

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 803.0:801.316.4

А. М. КЛЁСТЕР

Омский государственный
технический университет

СИСТЕМНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НЕМЕЦКИХ ТЕРМИНОВ ИНЖЕНЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Данное исследование посвящено комплексному анализу междисциплинарных связей инженерной психологии, выявлению специфики привлечения инженерной психологией новых понятий.

Ключевые слова: немецкая терминология инженерной психологии, междисциплинарные связи.

С развитием инженерной психологии на основе отбора, синтеза и переосмысления многих понятий и категорий, применительно к ее предмету, создается собственно инженерно-психологическая терминология, адекватная задачам этой научной дисциплины. Естественно, возникает потребность в рассмотрении качественно нового содержания терминов, связанного и исследованием и проектированием данной научной дисциплины.

Целью данной статьи является описание результатов проведенного анализа междисциплинарных связей инженерной психологии, а также определение характера взаимодействия надотраслевых и собственно инженерно-психологических терминов.

Процесс ассимиляции инженерной психологией новых понятий идет в настоящее время чрезвычайно интенсивно из-за постоянно увеличивающегося по-

тока информации. Психологи, работающие в этой области, изучают принципы эффективного согласования возможностей и способностей человека и современных сложных технических устройств. Следует отметить, что инженерные психологи являются одновременно в какой-то мере специалистами по тем наукам, в которые входит инженерная психология; это тоже находит свое отражение в языке; они усваивают терминологию обычно более чем двух смежных наук, если учесть, что степень совпадения некоторых терминосистем порой очень высока, например, почти невозможно разграничить терминологию инженерной психологии и психотехники. Эти науки, в свою очередь, «сотрудничают» с другими науками, следовательно, используют их терминологический аппарат. С другой стороны, терминология инженерной психологии проникает в терминологию тех наук,

с которыми взаимодействует. Этим и обусловлена интердисциплинарность терминологического аппарата данной научной дисциплины. Это явление типично для современной науки вообще.

Проблема привлечения терминов из смежных областей знания уже рассматривалась в работах терминоведов. Так, И. В. Бушин отмечает, что «процесс интеграции научных знаний находит свое отражение в терминологии вообще и в терминологии в частности, что выражается, прежде всего, в использовании терминологией определенной отрасли знания терминов, образованных в рамках других научных отраслей» [1, с. 41–42].

Мы также не можем не согласиться с точкой зрения Ю. Н. Марчука о том, что «невозможно разбить универсальное множество научно-технической терминологии на взаимоисключающие подмножества по отдельным областям науки и техники». Он придерживается мнения о том, что «словарный состав даже узких предметных областей на 85 % состоит из слов, обслуживающих также и другие предметные области или язык в целом» [2, с. 71].

Проведенное исследование показало, что терминологическое поле «Инженерная психология» было основано на немецких терминсистемах психотехники, психофизики и психофизиологии, о чем свидетельствует большое количество терминов данных отраслей, прежде всего, это названия различных психометрических тестов, эффектов, процессов, а также законов и их описания: **Bourdonscher Test** ~ тест Бурдона; **projektiver Test** ~ проективный тест; **Benton-Test** ~ тест визуальной ретенции Бентона; **Retest-Methode** ~ метод повторного тестирования; **Landscher Effekt** ~ эффект Ланда; **Nacheffekt** ~ эффект последельствия; **Adaptationsverlauf** ~ процесс адаптации; **Langzeitspeicherprozess** ~ процесс хранения долговременной информации и многие другие.

История развития самого термина **Ingenieurpsychologie f** ~ инженерная психология — подтверждает тот факт, что эта научная дисциплина возникла не стихийно, а формировалась постепенно.

Одним из первоначальных названий инженерной психологии было **Angewandte experimentelle Psychologie** ~ прикладная экспериментальная психология. Это терминологическое сочетание функционировало с 1879 года, когда немецкий психолог, физиолог Вильгельм Вундт основал в Лейпциге первую экспериментальную психологическую лабораторию. В годы Второй мировой войны по инициативе американских и английских психологов А. Чапаниса, Р. А. Мак-Ферланда, В. Гарнера, Бродбента, Мак-Кормика, С. Т. Моргана, П. М. Фиттса вводятся уже непосредственно терминологические сочетания **engineering psychology** и его американский вариант **human-factor-engineering**; с этого момента данное научное направление начинает самостоятельное развитие.

В немецком языке на том этапе развития это явление нашло свое отображение в термине **Ingenieurpsychologie f** ~ инженерная психология, который является точной калькой английского варианта. Но ввиду того, что на территории современной Германии существовало два различных государства — ГДР, относящаяся к социалистическому лагерю, и ФРГ, где господствовали войска США, Англии и Франции, — термин **Ingenieurpsychologie** первоначально «прижился» именно в западной части государства, в ФРГ, которая более терпимо относилась к факту заимствования. В восточной же части государства, в ГДР, функционировало терминологическое

сочетание **technische Psychologie** ~ техническая психология, которое являлось точной калькой русскоязычного варианта. На сегодняшний день оба варианта, обозначающих научное направление «Инженерная психология» ~ **Ingenieurpsychologie** и **technische Psychologie**, функционируют в немецком языке.

Существуют различные подходы к определению термина **Ingenieurpsychologie**. Так, например, в «Лексиконе кибернетики» (Günter Lauth) в 1981 г. дается следующее определение инженерной психологии: **Ingenieurpsychologie — Wissenschaft zur Erforschung der Informationsprozesse, die bei der Interaktion des Menschen (oder eines Kollektivs von Menschen) mit den technischen Mitteln bei der Ausübung von Produktions- und Verwaltungstätigkeiten ablaufen** ~ наука, изучающая информационные процессы, протекающие при взаимодействии человека (или коллектива) с техническими средствами при выполнении производственной и управленческой деятельности [3, с. 296].

В толковом словаре «Lexikon der Mensch-Maschine-Kommunikation» Ю. Чарват в 1994 году трактует этот термин как **Ingenieurpsychologie als Begriff für sämtliche Aspekte der Mensch – Maschine — Beziehung** ~ понятие для всех без исключения аспектов взаимодействия «человек–машина» [4, с. 223].

В Большом энциклопедическом словаре 1998 г. дается следующее определение инженерной психологии: **«Инженерная психология — отрасль науки, изучающая психологические особенности труда человека при взаимодействии его с техническими средствами в процессе производственной и управленческой деятельности; результаты изысканий используются для оптимизации деятельности людей в системах “человек–машина”, а также в эргономике при проектировании новых технических средств и технологий»** [5, с. 450].

Психологическая энциклопедия под редакцией Р. Корсини и А. Ауэрбаха 2003 г. трактует термин **инженерная психология** как ветвь психологии, которая изучает человеческое поведение в его связи с оборудованием, компьютерными программами, производственными условиями и системами «человек–машина», характерными для современной техники и технологии. В первую очередь, ее интересуют возможности и ограничения человеческой деятельности, касающиеся использования техники, а также способы для подготовки людей и создания машин, обеспечивающие их приспособление друг к другу, где слово «машины» понимается в широком значении — это творения не только инженеров, но и программистов, аналитиков, архитекторов, разработчиков программ производственного обучения и проектировщиков [6, с. 246].

В своей монографии «Allgemeine Arbeits- und Ingenieurpsychologie» В. Хаккер в 1973 г. описывает особенности формирования данной научной дисциплины и трактует основные понятия исследуемой терминологии [7, с. 11–35].

Таким образом, проанализировав различные подходы к определению термина **Ingenieurpsychologie** как в словарях, так и в работах отдельных авторов, мы пришли к следующему заключению, что данный термин, имея русский эквивалент инженерная психология, употребляется в следующем значении: **инженерная психология — отрасль науки, изучающая психологические особенности труда человека при взаимодействии его с техническими средствами в процессе производственной и управленческой**

деятельности с целью использования их в практике проектирования, создания и эксплуатации систем «человек–машина–среда».

Мы исследовали выборку немецких терминов инженерной психологии общим объемом 3512 терминологических единиц для того, чтобы выяснить, с терминологиями каких наук взаимодействует исследуемая нами терминология. Проведенный анализ позволил выявить следующие надотраслевые термины, под которыми мы понимаем термины, функционирующие во многих терминосистемах: **Datenanalyse** *f* ~ анализ данных; **Problemlösen** *n* ~ решение проблемы; **Prognose** *f* ~ прогноз, предсказание; **Typologie** *f* ~ типология; **Verfall** *m* ~ упадок; **Verfestigung** *f* ~ закрепление; **Widerwille** *m* ~ неуголовность, антипатия; **Zwischenvariable** *f* ~ промежуточная переменная; **Primärdaten** *pl.* ~ первичные данные; **Kontrolle** *f* ~ контроль и др. К надотраслевым терминам мы отнесли 46 терминов, что составляет 1,3 % от общего объема выборки.

Как показало исследование, в изучаемой нами терминологии присутствуют 1300 собственно инженерно-психологических терминов и терминологических сочетаний, что составляет 37 % от составленной выборки общим объемом 3512 терминологических единиц. Что касается межотраслевых терминов, данные термины используются в немецкой терминологии инженерной психологии практически без изменения основных дефиниции, присущей им в тех отраслях, из которых они были привлечены.

Под межотраслевыми терминами мы понимаем термины, функционирующие одновременно в нескольких областях знаний. В ходе исследования для выявления, в каких областях знания, помимо инженерной психологии, функционирует тот или иной термин, использовались как толковые, так и переводные словари, а также энциклопедии, что позволило нам с уверенностью говорить о том, что на данном этапе развития инженерной психологии в соответствующий подязык были привлечены термины из следующих областей знаний:

— философии; в основном, это термины, называющие философские категории или понятия, при помощи которых в данной области описывается теория целостного человека, что представляет методологическую базу для комплексного исследования взаимодействия человеко-машинных систем и среды: **Abstraktion** *f* ~ абстракция; **Antizipation** *f* ~ антиципация, опережающее отражение; **gesellschaftliches Sein** *n* ~ общественное бытие; **Gnosis** *f* ~ гнозис; **Gnoseologie** *f* ~ гносеология, теория познания; **Dualismus** *m* ~ дуализм; **Idealismus** *m* ~ идеализм; **Katharsis** *f* ~ катарсис; **Ontologie** *f* ~ онтология; **Ontogenese** *f* ~ онтогенез; **Pragmatismus** *m* ~ прагматизм и др. (49 терминологических единиц — 1,4 % от всей выборки);

— медицины, прежде всего, гигиены и охраны труда, в которых рассматриваются антропометрические особенности человека-оператора: **Beschäftigungsneurose** *f* ~ профессиональный невроз (непоспособность исполнения отдельных профессиональных задач); **Vorbeugung** *f* ~ предупреждение, профилактика; **Diagnose** *f* ~ диагноз; **Afferenz** *f* ~ афферентация (постоянный поток нервных импульсов, постоянно поступающих в ЦНС от органов чувств); **Afferenzsynthese** *f* ~ афферентный синтез; **Muskelatrophie** *f* ~ атрофия мышц; **Berufskrankheit** *f* ~ профессиональное заболевание и др. (56 терминологических единиц, следовательно, 1,6 % от составленной выборки);

— социологии, прежде всего, социологии труда; изучая социальные аспекты трудовой деятельности и закономерности функционирования трудовых коллективов, эти отрасли употребляют следующие термины: **Sozialisation** *f* ~ социализация; **Deprivation** *f* ~ депривация; **Sozialibilität** *f* ~ социабельность (способность к социальной адаптации); **Sozialbewusstsein** *n* ~ социальное сознание; **Sozialbektärftigung** *f* ~ социальное подкрепление (подкрепление, основанное на межличностных отношениях); **Sozialverhalten** *n* ~ социальное поведение; **Soziogenese** *f* ~ социогенез; **Soziogramm** *n* ~ социогрaмма (графическое выражение математической обработки результатов, получаемых с помощью социометрического теста) и др. (67 терминологических единиц — 1,9 % от нашей выборки);

— экономики труда, в частности трудового права, предметом изучения которого является труд и его организация, где уделяется большое внимание отбору и подготовке кадров, обусловленным растущим значением рационализации труда с целью эффективного использования «человеческого фактора»: **Best-Practice-Verfahren** *n* ~ процесс выявления эффективных способов и методов работы; **Menschkapital** ~ человеческий капитал (трудовые ресурсы, включая знания, квалификацию, опыт); **Arbeitsanalyse** *f* ~ анализ продуктов труда; **Business-Reengineering** ~ фундаментальная перестройка предприятия, целью которой являются изменения, касающиеся затрат, качества, сервиса и времени; **Technologiemanagement** ~ управление процессом технологических нововведений; **Scientific Management** ~ научные методы управления (выработка методов рационализации труда, стандартизации процессов, применения техники); **Delphitechnik** *f* ~ дельфийский метод, метод «Дельфи» (метод прогнозирования, основанный на опросе экспертов по специальным анкетам, математической обработке результатов опроса и корректировке экспертами своих оценок на основе каждого цикла обработки); **Assessmentcenter** *n* ~ оценочный центр, группа экспертов, оценивающая профессиональную пригодность с помощью тестов) и др. (70 терминологических единиц — 2 % от составленной выборки);

— основ математики и кибернетики, а именно, теории систем, теории алгоритмов, теории автоматов, информатики и искусственного интеллекта; учет данных направлений позволяет провести более точную оценку надежности, точности и стабильности работы: **Algorithmus** *m* ~ алгоритм; **Informationstheorie** *f* ~ теория информации; **Informationsverarbeitung** *f* ~ переработка информации; **Informationsverarbeitungszentrum** *n* ~ информационно-вычислительный центр (ИВЦ); **KI < künstliche Intelligenz** ~ искусственный интеллект; **Aktualparameter** *m* ~ фактический параметр; **Anteil** *m* ~ часть; **doля, раздел данных, информации; Informationssystem** *n*, **Infosystem** *n* ~ информационная система и другие (74 терминологические единицы, что составляет 2,1 % от исследуемой выборки);

— физиологии, прежде всего, физиологии труда, которая посвящает свои исследования изучению изменений функционального состояния организма человека под влиянием его рабочей деятельности и физиологическому обоснованию научной организации его трудового процесса, способствующей длительному поддержанию работоспособности человека-оператора: **Physiognomik** *f* ~ физиогномика (учение о связи между внешним обликом человека и его принадлежностью к определенному типу лич-

ности); **Körperbehinderte** *m* ~ лицо, страдающее физическим недостатком; **Physiologismus** *m* ~ физиологизм; **physiologische Blendung** ~ физиологическое ослепление; **körperliche Leistungsfähigkeit** ~ физическая работоспособность; **Leistungspotential** *n* ~ потенциал действия; **Leistungsschwäche** *f* ~ функциональная слабость; **Leistungsschwankung** *f* ~ колебание работоспособности; **physische Ermüdung** ~ физическое утомление; **Körperanstrengung** *f* ~ физическое напряжение; **Leistungsniveau** *n* ~ уровень работоспособности (84 терминологические единицы, т.е. 2,4 % от нашей выборки);

— психологии, прежде всего, социальной психологии и психологии труда, сотрудничество с которыми позволяет описать информационное взаимодействие в системе «человек — машина — среда» и синтетическую природу психологического фактора в трудовой деятельности, а также психологические, поскольку информационное взаимодействие часто происходит при помощи языка (текста) или опосредованных языком образов (предметных значений): **Arbeitsakt** *m* ~ трудовой акт; **Arbeitsanpassung** *f* ~ трудовая адаптация; **Arbeitsbelastung** *f* ~ трудовая нагрузка; **psychologische Arbeitsgestaltung** ~ психологическая организация труда; **Arbeitszufriedenheit** *f* ~ удовлетворенность трудом; **psychologische Validität** ~ психологическая валидность; **psychologische Berufsforschung** *f* ~ психологическое исследование профессий; **Berufseignungstest** *m* ~ тест профпригодности; **Berufsversagen** *n* ~ профотказ; **Berufserfolg** *m* ~ профуспешность и другие (386 терминологических единиц, т.е. 11 % от составленной нами выборки);

— эргономики, задачами которой являются создание благоприятных условий труда, удобство управления, повышение привлекательности и престижности труда. Данное научное направление порой отождествляют с инженерной психологией, но мы, вслед за выдающимися деятелями исследуемой области, придерживаемся следующей точки зрения: «...когда между эргономикой и инженерной психологией не проводят различия и между ними ставят знак равенства, зачастую возникают бесплодные споры, причиной которых являются не различия во взглядах, а терминологические недоразумения» [8, с. 30]. Поскольку эргономика находится в очень тесной связи с дизайном и решает многие проблемы системотехники, мы нашли целесообразным отнести термины этих отраслей именно к этому разделу: **Ergonomie** *f*, **Human-Factor-Engineering** (амер.) ~ эргономика; **Usability** ~ качество работы пользователя в некоторой интерактивной среде (Як. Нильсен); **Usability Engineering** ~ научно-прикладная дисциплина, служащая повышению эффективности, продуктивности и удобства использования инструментов деятельности; **Usability-Forschung** *f* ~ Usability-исследование (сбор данных о пользователях, их предметной деятельности и орудиях труда, с целью выявления направлений совершенствования последних); **Usability-Ingenieur** *m* ~ Usability-инженер; **GUI** < **Graphical User Interface** ~ графический пользовательский интерфейс, графический интерфейс пользователя (ГИП); **GUI-Designer** < **Graphical User Interface Designer** ~ инженер-проектировщик пользовательского интерфейса; **Menschmodellierung** *f*, **Human Modeling** ~ человеческое моделирование, моделирование человека (антропометрическое исследование человека с целью повышения комфортности трудовой деятельности); **Simulationswerkzeug** *n* ~ моделирующий инструмент, ин-

струмент отыгрыша; **Systemergonomie** *f* ~ эргономичность системы и др. (597 терминологических единиц, что составляет 17 % от рассматриваемой выборки);

— технических наук, прежде всего, техники контроля и технологии и инструментов управления, электроники и электронно-вычислительной техники: **Anleitung** *f* ~ руководство, инструкция по использованию некоторого устройства; **Anlagenausrüstung** *f* ~ 1. конфигурация вычислительной системы; 2. оборудование (оснащение) вычислительной системы; **Anmeldeleitung** *f* ~ линия запроса магистрала; **Anschlusskapazität** *f* ~ число внешних каналов, число внешних связей; **Videoterminal** ~ видеотерминал; **Anschlußkennung** *f* ~ код идентификации терминала; **Anschlußmöglichkeiten** *f, pl* ~ средства сопряжения, интерфейсные средства; **Architektur** *f* ~ архитектура сети; архитектура вычислительной системы; архитектура вычислительной машины; **Baudratengenerator** *m* ~ генератор-контроллер скорости передачи данных; **Bedieninformation** *f* ~ 1. информация оператору, информация оператора; 2. эксплуатационная информация; служебная информация; операционная информация; **Befehlsprozessor** *m* ~ диалоговый монитор; **Betriebssystem** *n* ~ операционная система; **Breitbandkommunikation** *f* ~ широкополосная связь, связь через широкополосный канал передачи данных; **Bedienungskonsole** *f* ~ пульт управления оператором, консоль оператора и многие другие (783 терминологические единицы, т.е. 22,3 % от нашей выборки).

Исследование немецкой терминологии инженерной психологии на материале выборки терминов общим объемом 3512 терминологических единиц, проведенное в связи с изучением истории становления данной науки, показало, что:

1. Инженерная психология является комплексной научной дисциплиной интегративного характера, поэтому ее терминология неоднородна по своему составу, имеет междисциплинарный характер и масштабные рамки.

2. Терминологическое поле «Инженерная психология» было основано на немецких терминосистемах психотехники, психофизики и психофизиологии, о чем свидетельствует большое количество терминов данных отраслей, объединенных общностью объекта исследования.

3. В изучаемой терминологии присутствуют 1300 собственно инженерно-психологических терминов и терминологических сочетаний (37% от составленной выборки общим объемом 3512 терминологических единиц), которые называют основные понятия, используемые в рамках данной науки.

Библиографический список

1. Бушин, И. В. К проблеме о «закрытости» терминологии отдельной научной отрасли / И.В. Бушин // Лингвистические проблемы формирования и развития отраслевой терминологии. — Саратов : СГАП, 1999. — С. 40—47.
2. Марчук, Ю. Н. Вычислительная лексикография / Ю. Н. Марчук. — М., 1976. — 183 с.
3. Lexikon der Kybernetik. Herausgegeben von Günter Laux. — Berlin: Akademie-Verlag, 1981. Марчук — 643 S.
4. Charwat Hans Jürgen: Lexikon der Mensch-Maschine-Kommunikation. — 2., verb. Auflage. — München; Wien: Oldenbourg, 1994. — 516 S.
5. Большой энциклопедический словарь. — М. : Большая российская энциклопедия. — СПб. : Норинт, 1998. — 1434 с.

6. Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсини и А. Ауэрбаха. — 2-е изд. — СПб. : Питер, 2003. — 1096 с.
7. Hacker W. Allgemeine Arbeits- und Ingenieurpsychologie. — Berlin : VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1973. — 474 S.
8. Зинченко, В. П. Основы эргономики / В. П. Зинченко, В. М. Мунипов. — М. : Издательство Московского университета, 1979. — 344 с.

КЛЁСТЕР Анна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Адрес для переписки: e-mail: annaklyoster@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.02.2011 г.
© А. М. Клёстер

УДК 82.09

А. А. ПАЛИЙ

Омский государственный
педагогический университет

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ В РОМАНАХ ДЖЕЙН ОСТИН КАК ОДНО ИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ ЕЕ СТИЛИСТИЧЕСКОГО НОВАТОРСТВА

В статье анализируются примеры использования несобственно-прямой речи в романах Джейн Остин, принадлежащих к разным жанровым разновидностям. Делаются выводы о разнообразии видов несобственно-прямой речи у Джейн Остин и эффективности их использования писательницей.

Ключевые слова: несобственно-прямая речь, характерологическая, эмотивная, оценочная функции несобственно-прямой речи.

Теоретики, исследующие стилистические проблемы английского языка, историки литературы практически единогласно утверждают, что такой стилистический прием, как несобственно-прямая речь, получил распространение в прозе XIX века, начиная с Ч. Диккенса. Между тем задолго до появления романов Диккенса в произведениях Джейн Остин несобственно-прямая речь как важный элемент психологической прозы уже широко применялся.

Определить ее роль, выделить ее виды и функции в романах писательницы — в этом и заключаются цель и задачи данной статьи¹.

В своем анализе несобственно-прямой речи мы будем опираться на работы В. А. Кухаренко, И. Р. Гальперина, Е. А. Гончаровой, Т. Я. Кузнецовой, К. А. Долшина, которые видят сущность несобственно-прямой речи в соединении голоса автора и голоса персонажа, а основную ее функцию определяют как изображение ситуации изнутри, с позиции лица, ее непосредственно переживающего.

Уже в ранних произведениях, романах воспитания² «Аббатство Нортэнгр» (Northanger Abbey) и «Здравый смысл и чувствительность» (Sense and Sensibility), Джейн Остин прибегает к этому приему.

Рассказывая о первых жизненных впечатлениях юной Кэтрин Морленд, она в основном использует авторское повествование, но несколько важных моментов, раскрывающих внутренний мир героини, запечатлены с помощью несобственно-прямой речи. Так, в одной из кульминационных сцен романа, когда ночью во время грозы Кэтрин Морленд пытается найти какие-то старинные бумаги, постепенное эмоциональное нарастание передано с помощью ряда вопросительных и восклицательных предложений, произнесенных героиней про себя: «The manuscript so wonderfully found, so wonderfully accomplishing

the morning's prediction, how was it to be accounted for? What could it contain? To whom could it relate? By what means could it have been so long concealed? And how singularly strange that it should fall to her lot to discover it!» [1, с. 142].

Здесь параллельные конструкции «so wonderfully found», «so wonderfully accomplishing», само построение фраз, включающих вопросы-размышления о загадочных бумагах и восклицание, выражающее изумление Кэтрин, ее радость от того, что они попали в ее руки и целиком принадлежат ей. Главное же, чего добивается автор, — мы, читатели, переживаем те же эмоции, что и героиня, и одновременно разделяем при этом авторское насмешливо-сниходительное отношение к увлечению готическими романами.

Более сложный характер и гораздо более сильные, хотя и скрытые эмоции передает несобственно-прямая речь героини «Здравого смысла и чувствительности» Элиноры Дэшвуд.

Не считая возможным «нагружать» мать и младшую сестру, измученную разлукой с возлюбленным, своими горестями, она все переживает про себя. Только несобственно-прямая речь героини позволяет читателю увидеть работу ее мысли, ту сложную психологическую загадку, которую она пытается решить: понять истинное отношение к себе Эдварда Феррареса, его намерение остаться навсегда либо с Люси Стилс, либо с ней, Элинорой: «Their opportunity of acquaintance in the home of Mr. Pratt was a foundation for the rest, at once indisputable and alarming; and Edward's visit near Plymouth, his melancholy state of mind, his dissatisfaction at his own prospects, his uncertain behavior towards herself, the intimate knowledge of the Miss Steels as to Norland and their family connections, which had often surprised

her, the picture, the letter, the ring formed altogether such a body of evidence as overcame every fear of condemning him unfairly, and established as a fact which no partiality could set aside, his ill-treatment of herself» [2, с. 96].

Ряд бессоюзно присоединяемых однородных членов предложения (his melancholy state of mind, his dissatisfaction at his own prospects, his uncertain behavior towards herself) представляет собой переключение всех оттенков настроений Эдварда, которые настораживают Элинору, заставляют ее усомниться в его порядочности, от нее не ускользает ни одна деталь (the picture, the letter, the ring), свидетельствующая о давнем знакомстве Эдварда и Люси. И смятение чувств в душе героини как раз и передает ее несобственно-прямая речь.

В романах самопознания и воспитания чувств, т.е. в «Гордости и предубеждении» и в «Эмме», героини которых обладают более сложными характерами, значительно возрастает роль несобственно-прямой речи в раскрытии их внутреннего мира.

В романе «Гордость и предубеждение» несобственно-прямая речь приобретает важное значение, поскольку именно в ней предстает эволюция постепенно меняющегося чувства Элизабет Беннет к Дарси. Чувство изумления, которое она испытала, услышав первое признание Дарси в любви, и его предложение выйти за него замуж, выразилось в форме несобственно-прямой речи, оформленной восклицательными знаками с использованием инвертированных структур одного из косвенных предложений и повторов: «That she should receive an offer of marriage from Mr. Darcy! that he should have been in love with her for so many months!!!»

Так, используя лексические и синтаксические структуры, характерные для речи Элизабет, автор создает картину ее душевного состояния.

Очень скоро чувство Элизабет к Дарси претерпело полную трансформацию, и в этом процессе важную роль сыграло посещение его поместья. Восхищение всем увиденным вызвало внутреннюю реплику Элизабет, переданную с помощью прямой речи: «And of this place», thought she. «I might have been mistress!» [3, с. 241]. Рассказ домоправительницы Дарси, которая говорит о своем хозяине с восхищением, вызывает в душе Элизабет полную переоценку его человеческих качеств, которая находит свое выражение в риторическом вопросе, в эмоциональных восклицательных предложениях, в антитезах и параллельных конструкциях, произнесенных ею «про себя»: «What praise is more valuable than the praise of an intelligent servant? As a brother, a landlord, a master, she considered how many people's happiness were in his guardianship! How much of pleasure or pain it was in his power to bestow! How much of good or evil must be done by him!» [3, с. 249].

Психологический рисунок повествовательного ракурса у Джейн Остин усложняется от романа к роману, во многом это происходит благодаря эффе́ктивной роли несобственно-прямой речи.

Так, переопределение самых противоречивых чувств в душе Эммы, героини одноименного романа, в момент, когда она со страхом думает о возможном браке мистера Найтли и Харриэт (47 глава романа) передано с помощью ее внутреннего монолога: «With insufferable vanity had she believed in the secret of everybody's feelings; with unpardonable arrogance proposed to arrange everybody's destiny...»

Mr. Knightly and Harriet Smith! — Such an elevation on her side! Such a debasement on his. (...) Could

it be? — No, it was impossible. And yet it was far, very far, from impossible. — Was it a new circumstance for a man of first rate abilities to be captivated by very inferior powers? Was it new for one, perhaps too busy to seek, to be the prize of a girl who would seek him? ...» [4, с. 402 — 403].

Прилагательные insufferable (unbearable), unpardonable (unforgivable, inexcusable), существительные vanity (too great pride on one's own abilities), arrogance (extreme pride, self-confidence) точно отражают внутреннюю самооценку, которую дает себе, своему отношению к окружающим Эмма. В многочисленные обрывистые восклицательные предложения, риторические вопросы и параллельные конструкции способствуют раскрытию других сторон ее характера, присущего ей снобизма и ревности. Все чувства Эммы обострены до предела, и каждая фраза, произнесенная ею про себя, и на лексическом, и на стилистическом уровне соответствует той сюжетной ситуации, в которой оказалась героиня, и тому строю мыслей и чувств, которые она испытывает.

Особенно возрастает роль внутренних монологов, несобственно-прямой речи в романах испытания «Мэнсфилд Парк» (Mansfield Park) и «Доводы рассудка» (Persuasion). Фанни Прайс (героиня «Мэнсфилд Парка») — бедная родственница, которую взяли на воспитание в дом богатой тетушки, и Энн Эллиот (из романа «Доводы рассудка») — младшая из дочерей сэра Уолтера Эллиота, воспринимаются окружающими как существа незначительные, не имеющие права голоса. Уже поэтому важным средством раскрытия их характеров становится внутренняя речь.

Как замечает исследовательница творчества Джейн Остин Мэрилин Батлер в своей книге *Jane Austen and the War of Ideas* (1987), необходимость раскрытия характера Фанни в его становлении, развитии, взрослении, потребовала от автора новой стратегии в области стиля. Она сделала несобственно-прямую речь героини доминирующей частью повествования, создающей его специфические качества и колорит.

Так, соединяя свой голос с внутренней речью Фанни Прайс, автор с помощью кратких восклицательных предложений раскрывает ее чувства в минуту отчаяния после того, как сэр Томас обвинил ее в неблагодарности: «... her uncle's anger gave her the severest pain of all. Selfish and ungrateful! to have appeared so to him! She was miserable for ever» [5, с. 320].

Однако не только моменты горьких переживаний, но и мгновения радости запечатлены в романе с помощью несобственно-прямой речи. Когда в 46-й главе романа Фанни получает письмо от Эдмунда, который пишет, что она нужна в Мэнсфилд Парке и что он заедет за ней, ее ликование нет предела: «Never had Fanny more wanted a cordial. Never had she felt such a one as this letter contained. To-morrow! to leave Portsmouth to-morrow! She was, she felt she was, in the greatest danger of being exquisitely happy, while so many were miserable» [5, с. 431]. И снова искусно влетенная в авторский комментарий несобственно-прямая речь Фанни (с ее восклицательными предложениями, эпитетом exquisitely happy (keenly felt) и прилагательным в превосходной степени the greatest) воссоздает картину душевного состояния героини и становится очень важной для понимания того, как она воспринимала ситуацию «изнутри».

И в последнем романе «Доводы рассудка» (Persuasion) Джейн Остин сделала несобственно-прямую

речь главной героини Энн Эллиот значимым компонентом стиля, ведущим к всестороннему раскрытию ее внутреннего мира.

Роман посвящен судьбе Энн Эллиот, ее разлуке и встрече через 8 лет с капитаном Вентвортом, встрече, которая началась с того, что он ее просто не узнал, но закончилась через несколько месяцев его признанием в любви. И фразы, произнесенные Энн Эллиот «про себя», как бы обрамляют все повествование: «So altered that should not have known her again!» [6, с. 61]. В этом восклицании, представляющем собой полное повторение слов капитана Вентворта, выражены горечь, тоска и безнадежность, испытываемые Энн в те минуты.

Зато завершается история их любви счастливо. И снова внутренняя речь Энн, в которой повторяются слова капитана Вентворта («... they should meet again. He would look for her — he would find her out long before the evening were over — ...» [6, с. 176]) передает радость и трепет, испытываемые героиней гораздо более точно, чем это могло бы сделать самое подробное авторское повествование.

Многие примеры несобственно-прямой речи в романах Джейн Остин были разобраны нами в других публикациях. Подводя же итоги данной статьи, можно сделать следующие выводы:

Джейн Остин использовала разнообразные виды несобственно-прямой речи. В ее романах встречается несобственно-прямая речь, имеющая много общего с косвенной речью; несобственно-прямая речь, которая различается на фоне авторского текста, благодаря его наполненности лексикой, характерной для определенного персонажа; несобственно-прямая речь цитатной формы, подающаяся в кавычках; несобственно-прямая речь, с трудом вычленяемая из авторского повествования; наконец, несобственно-прямая речь, в значительной степени сходная с прямой речью.

Органично вплетенная в ткань повествования несобственно-прямая речь высвечивает самые заветные мысли, чувства, надежды и помыслы героинь, выполняя характерологическую, эмотивную и оце-

ночную функции. Мастерское использование несобственно-прямой речи — свидетельство новаторства Джейн Остин в области стиля, ее выдающегося писательского дарования и высокой эстетической ценности ее произведений.

Материалы статьи могут найти практическое применение на семинарских занятиях по истории английской литературы, стилистике и при написании студенческих курсовых и дипломных работ.

Примечания

¹ В соответствии с определением, даваемым Словарем лингвистических терминов, мы будем употреблять термины «несобственно-прямая речь» и «внутренний монолог» как синонимичные.

² Жанровая дифференциация романов писательницы была предложена нами в статье под этим названием, вышедшей в Каунасе в 2003 г.

Библиографический список

1. Austen Jane Northanger Abbey. — N.Y.: Signet Classic, 1965. — 211 p.
2. Austen Jane Sense and Sensibility. — An Airmont Classic. — L.: Published by Airmont Publishing Co., Inc, 1965. — 255 p.
3. Austen Jane Pride and Prejudice. — M.: Foreign Languages Publishing House, 1961. — 387 c.
4. Austen Jane Emma. — Penguin English Library, 1978. — 471 p.
5. Austen Jane Mansfield Park. — Penguin English Library, 1977. — 464 p.
6. Austen Jane Persuasion. — N.Y.: A Signet Classic. New American Library, 1964. — 240 p.

ПАЛИЙ Анна Абрамовна, кандидат филологических наук, доцент (Россия), доцент кафедры английского языка.

Адрес для переписки: e-mail: anna_paley@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.04.2011 г.

© А. А. Палий

Книжная полка

Шокарев, С. Ю. Гоголь в Москве / С. Ю. Шокарев. — М. : Алгоритм, 2011. — 336 с. — ISBN 978-5-9265-0701-7.

Н.В. Гоголь был одним из самых путешествующих классиков отечественной литературы. Полтавщина, Санкт-Петербург, Москва, Рим — каждое из этих мест нашло отражение в его творчестве. И все же Москва сыграла ключевую роль в биографии писателя. Здесь создавались его важнейшие произведения. В Москве Гоголь подолгу жил, любил сюда приезжать, провел последние годы и скончался. С Москвой связана одна из самых трагических страниц в истории русской литературы — сожжение Гоголем второго тома «Мертвых душ». Таинственными легендами овеяна могила писателя. Настоящая книга посвящена различным аспектам гоголевского москвоведения. Ее основу составляет исследование известного московеда Б. С. Земенкова (1903—1963) «Гоголь в Москве» (1954). Законченный более полувека назад, этот труд до сих пор не утратил своего значения. Продолжают тему гоголевской Москвы и работы современных авторов — С. Ю. Шокарева и Д. А. Ястржембского, в том числе обобщивших существующие свидетельства и предания о захоронении Гоголя. Издание рассчитано на широкий круг читателей.

ТЕРМИНОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Одна из основных проблем, решаемых сегодня Правительством РФ, — преодоление отставания России в сфере информационных технологий. Проникновение сетевых технологий в повседневную жизнь людей привело к широкому распространению лексики данной области науки и техники, вхождение ее в устную коммуникацию людей. В этой связи изучение лексики сетевых технологий приобретает особую значимость.

Ключевые слова: терминология, языковая система, Интернет.

В словарном составе языка отражается многообразие окружающего нас мира в его постоянном изменении. Это объясняет интерес лингвистики к социально-общественным условиям функционирования языка. В свое время Л. Щерба отмечал, что «в языковой системе мы имеем некую социальную ценность, нечто единое и общеобязательное для всех членов данной общественной группы. Но, как и общество, язык находится в непрерывном движении» [1].

Сложность словарного запаса языка, обслуживающего тот или иной социум, отличается сложностью словарного состава и сложностью отношений лексических единиц внутри одного языка. Вследствие этого, для лингвистики важно определение системы лексики и лексико-семантической системы.

В отличие от словарного состава, как совокупности номинативных средств, организованных на основе фонологических, морфологических и словообразовательных закономерностей и составляющих лексическую систему языка, лексико-семантическая система представляет собой синтез сложного взаимодействия слов в их отдельных значениях по двум сферам языка: по номинативной классификации (парадигматика) и по линии лексической сочетаемости (синтагматика) [2].

Системность лексики основывается на явлениях, которые охватывают весь словарный состав и могут считаться общими критериями его классификации. Основу лексической системы образуют категориальные значения частей речи, типичные для конкретного языка.

Структурно-семантическая классификация лексем по частям речи имеет существенное значение для характеристики лексической системы языка, поэтому распределение слов по частям речи опирается на структурно-семантические особенности слов.

Слово — необходимая единица языка в области лексики (словарного состава) и грамматики (грамматического строя). Слово представляет собой внутреннее, конструктивное единство лексического и грамматического значений.

Как ни различны между собой лексико-семантические варианты какой-либо лексемы, есть нечто общее, что поддерживает их единство в пределах слова. Семантическое единство слова заключается в определенной связи отдельных значений друг с другом, а также в их закреплении за одной формой.

Рассматривать лексику в ее системности означает исходить из того факта, что вся лексика того или иного языка группируется по ее предметным значениям, относится к определенным понятийным сферам, которые объединяют соответствующие наименования. Подобные лексические группировки ориентированы на мир вещей, поэтому мы говорим об именах вещей. Отношения между именами отражают отношения между называемыми предметами и понятиями, что можно, в частности, проследить и в немецкой терминологии Интернета.

Так, в немецком языке имеется много слов, связанных с такой научно-технической областью, как сеть Интернет: наименования архитектуры ЭВМ, наименование компьютерных программ, протоколов, стандартов, термины, описывающие электронную коммерцию, электронную почту, безопасность в Сети и т.д. Вся эта лексика объединяется общей ориентированностью на одно понятие — Интернет. Эти слова связаны не только тематически, но и логически — в пределах этой группы. Отношения между группировками выстраиваются в виде иерархии. Между иерархическими звеньями существуют отношения инклюзии (включения), например, группировка языковой лексики, относящаяся к области компьютерного знания, предстает сначала в виде ряда тематических рамок (фреймов). Каждый фрейм, в свою очередь, объединяет определенное количество слов, которые могут быть сгруппированы во фрейме меньшего объема. Так, например, тема «Электронная коммерция» включает подтему «Электронные платежи», или «Электронная биржа», или «Электронная сфера услуг», объединяющие, в свою очередь, другие термины. Подобные фреймы постоянно пополняются новой лексикой и изменяются в соответствии с процессами, происходящими в данной сфере.

Несколько десятилетий в отношении языка — это уже целая история. Проследить все изменения, происходящие в системе языка за небольшой период времени, можно только на основе обширного речевого материала, отражающего речевую систему.

Возродившийся в последнее время интерес к подязыкам объясняется двумя причинами: необходимостью автоматизации процессов управления и создания базовых языков, а также общелингвистическим интересом к социальным подязыкам, которые, с точки зрения лингвистики, являются «малыми лингвистическими подсистемами» [3, с. 103–125].

Термин «подъязык» может рассматриваться как синоним термина «малая лингвистическая подсистема». В последнем случае предполагается, что любой естественный язык как основное средство общения представляет собой не единую, монолитную систему, а выступает как система систем или система подсистем.

Подсистемы могут быть двух видов: грамматические подсистемы, соответствующие уровням языковых единиц и лингвистические подсистемы, которые функционально обслуживают определенные сферы человеческой деятельности и которым свойственна определенная направленность использования лексико-грамматических средств. Лингвистические подсистемы различаются рядом признаков, важнейшие из которых — полнота, конечность, формальная ограниченность [4, с. 48–51].

Система считается полной, если она коммуникативна и в состоянии собственными средствами описать любой факт из своей предметной области. В этом плане абсолютной полнотой обладает вся языковая система в целом, т.е. единый национальный язык.

Конечность системы определяется, прежде всего, наличием возможности составить конечный по числу лингвистических единиц словарь этой подсистемы. Конечность подсистемы может быть только относительной, поскольку являясь частью естественного языка, она не может не подвергаться изменениям, происходящим в нем. Формальная ограниченность может существовать в подсистемах с ограниченным числом синтаксических состояний, например, в микроподъязыке традиционной сводки погоды, обладающем стандартной формой.

Полные и до некоторой степени формально ограниченные подсистемы образуют класс малых подсистем. Такими малыми функциональными подсистемами являются, например, газетные объявления, некрологи.

Каждый специальный подъязык, как малая лингвистическая подсистема, образует иерархическую структуру, выступая как макроподъязык по отношению к входящим в него подъязыкам, которые также включают в себя микроподъязыки. Такие микроподъязыки характеризуются наибольшей полнотой, конечностью и являются наиболее формально ограниченными.

При функциональном подходе к изучению языка используется понятие функциональной парадигмы, т.е. относительно устойчивой для определенного периода модели языка, представляющей совокупность разных форм существования языка, его разных страт. Под стратами понимается, прежде всего, литературный язык в его функционально-стилистическом многообразии, различные типы диалектов (территориальные, социальные, профессиональные) и разные виды койне (городские, областные, общие). Следует отметить, что страты, определяющие функциональную парадигму языка, имеют собственное внутреннее функциональное членение, что влияет на состав и отношения функциональной парадигмы языка в целом.

Подъязык науки и техники возник и развивался на базе национального общелитературного языка. Структура языка науки и техники подчиняется системе языка, в ней проявляются основные типы языковых единиц. Отношение подъязыка науки и техники и общелитературного языка рассматривается нами как отношения системы и подсистемы, т.е. как отношения литературного языка и его функциональной

разновидности — подъязыка науки и техники. При данном подходе можно выделить в них общее и различное. Различны планы содержания, соответствующие разным формам общественного сознания — обыденного и научного, различны речевые ситуации, представляющие профессиональное и обыденное общение. Сходными будут являться вербальные средства выражения и правила их организации.

Литературный язык и подъязык науки и техники используют общий слой общеупотребительных слов и общенаучной лексики, которая входит в состав литературного языка как книжная. Терминологическая лексика также связана с общелитературным языком, который дает ей средства для номинации новых понятий и определяет способы практического терминообразования. Общелитературный язык в свою очередь обогащается за счет использования терминологической лексики в неспециальных значениях.

Подъязык науки и техники, с одной стороны, более узкое понятие по отношению к общелитературному языку, т.к. им не выполняются все функции, присущие общелитературному языку. С другой стороны, по сравнению с общелитературным языком, подъязык науки и техники — более широкое понятие, т.к. содержит в себе терминологию, выходящую за рамки обыденной, непрофессиональной сферы общения.

Имеющиеся особенности подъязыка науки и техники в сравнении с общей системой языка связаны с когнитивной функцией языка, что отражается определенным образом на его коммуникативной функции. Только при общении специалистов возможно полное восприятие содержательной стороны подъязыка науки и техники, т.е. его использование ограничено определенным коллективом, условиями, целями общения. Следовательно, мы можем говорить об определенной коммуникативной ограниченности подъязыка науки и техники.

Терминология Интернета видится нам как система, имеющая полевою организацию. Ядро этой системы составляет терминологическая лексика, под которой понимается кодифицированная, систематизированная часть терминологии Интернета. Под кодификацией имеется в виду сознательная забота общества о языке, вследствие чего кодифицированные единицы приобретают такие свойства, как системность, рациональность, целостность, непротиворечивость. Это достигается с помощью средств кодификации: создание словарей и справочников (технических и общезыковых), проведение терминологических исследований, устанавливающих норму. Кодифицированная лексика характеризуется нормированностью, т.е. способностью существовать в пределах определенной языковой нормы.

Изучением совокупности терминов конкретных научных областей занимается наука о терминах — терминоведение — одно из важных направлений лексикологии. Терминоведение является междисциплинарной наукой, утверждающей себя на стыке языкознания и предметного знания, а также интегрирующей логику, семиотику, информатику, теорию систем, науковедение, социологию, психологию, онтологию и др.

В современном терминоведении прослеживаются два основных направления в рассмотрении терминологии и природы термина. Сторонники первого направления считают термин особой единицей и противопоставляют его слову, как единице языка. Этого взгляда придерживаются терминологи-практики

А.В.Суперанская [5], Г. П. Мельников [6], В. С. Кулебакин [7] и ряд других авторов. В их понимании термин — это слово или словосочетание, языковой знак которого соотнесен с определенным понятием в системе понятий в данной области науки или техники. Терминологии-практики занимаются построением научно-технических терминологий и стремятся объединить систему понятий и систему терминов науки. На этом пути им присуще желание абстрагироваться от общелитературного языка, от «обыденных» значений слов. Вследствие этого, они руководствуются положением о терминологии как о «замкнутом словарном контексте, границы которого обусловлены определенной социальной организацией действительности» [8, с. 165]. При таком подходе терминология понимается как особая, отдельно стоящая система терминов. Терминология выводится из состава лексики литературного языка и приравнивается к диалектам, социолектам, идиолектам — разновидностям речи. Так, Н. З. Котелова считает, что, говоря о специальной лексике, не следует привлекать понятие литературного языка [9]. Г. П. Мельников говорит о том, что, с точки зрения возникновения, терминология в системе языка должна рассматриваться как одна из форм профессионального социолекта [6, с. 40]. Он рассматривает терминологию как органичное ответвление, отросток от общелитературной лексики, причем не просто производным от нее, а остающимся всегда связанным с определенным местом смыслового поля, выражаемого общелитературной лексикой [6, с. 37].

Большинство же исследователей, придерживающихся второго направления, трактуют термин как слово в особой функции, основной функцией которого является функция названия специального понятия — номинативная функция [10, 8, 11]. Данная позиция может быть выражена словами Н. З. Котеловой: «Термины — это слова, и ничто языковое им не чуждо» [9, с. 124]. Термины составляют наиболее регулируемую часть словарного состава языка, в определенном смысле — наиболее искусственную, сознательно создаваемую и предусматривающую регламентацию. Изучение и анализ литературы, посвященной проблемам термина, позволили нам определить следующие основные признаки терминов, по которым они в самом общем виде противопоставляются всем остальным словам: точное соотношение со специальным понятием, для которого, в свою очередь, характерна содержательная точность, наличие дефиниции, передающей содержание понятия, соответствующего термину; системность — принадлежность к определенной терминологии; стремление к унивокативности (однозначности); парадигматичность — способность термина реализовывать свое значение вне контекста.

Терминология понимается как часть языка науки — функциональная разновидность общелитературного языка. Так В. П. Даниленко квалифицирует терминологию как часть лексики литературного языка, как основную, наиболее значимую и информативную часть лексической системы языка науки, полагая, что терминосистемы формируются средствами естественного литературного языка, его общелитературной формы, главным образом [12, с. 4].

Видный русский терминовед В. М. Лейчик, придерживаясь этого направления, писал о том, что терминология занимает центральное место, является семантическим ядром лексики языка науки, который признается функциональной разновидностью литературного языка на современном этапе [13, с. 119].

Такой подход к терминологии как к «собственно лингвистическому объекту» [12, с. 14], присущ терминологам-наблюдателям, не занимающимся непосредственно созданием терминологий, но исследующим уже сложившиеся или созданные терминологии, функционирование терминов как внутри терминологий, так и в общелитературном языке. В таком случае исследуется и общелитературная лексика, открывается вид на язык науки в целом и общелитературный язык. Этот подход наиболее нам близок и соответствует целям данного исследования.

Таким образом, терминология понимается как центральная, наиболее значимая, кодифицированная часть языка науки, представляющего функциональную разновидность литературного языка, основными функциями которой являются: кодифицированность, нормированность, системность.

В некоторых работах наряду со словом терминология в значении совокупности или системы терминов определенной отрасли используется слово «терминосистема». Терминосистемой совокупность терминов становится только после ее обработки, упорядочения и систематизации. В основе разграничения терминологии и терминосистемы лежит эксплицированность — представленность терминоведческого опыта в форме упорядоченной терминосистемы и ее номенклатур [6, с. 93]. Однако в рамках исследования немецкой терминологии Интернета допускалось использование в качестве синонима к термину «терминология» термина «терминосистема», поскольку каждая терминологическая единица является элементом системы, если под системой понимать совокупность элементов целого, между которыми существует обязательная и неотъемлемая связь. Следовательно, система является одним из наиболее важных условий существования термина, а терминология — это и есть система терминов, т.е. терминосистема.

Следует отметить, что, пока развивается какая-либо область науки, в ее терминологии будут происходить неизбежные изменения. Мы считаем, что эксплицированная в полной мере терминосистема подобна застывшей субстанции, свидетельствующей об отсутствии развития, и даже об отмирании какой-либо отрасли науки и техники.

Терминология Интернета понимается как ядро, наиболее значимая, информативная, кодифицированная часть подязыка информатики и вычислительной техники. Терминология Интернета исторически сложилась и развивалась именно как семантическая разновидность подязыка информатики и вычислительной техники, взяв первоначально за основу его терминологию, так как Интернет — это компьютерная сеть, немыслимая без использования всех ресурсов электронно-вычислительной техники и, собственно, появившаяся благодаря ей. В то же время Интернет приобрел свою индивидуальность, став частью единой информационной структуры, вследствие чего некоторые терминологи, занимающиеся подязыком информатики и вычислительной техники, стали говорить о появлении в рамках данного подязыка терминологии Интернета.

Итак, Интернет — одна из наиболее динамично развивающихся областей научного знания, терминология которой находится в постоянном развитии, с огромной скоростью пополняясь новыми терминами.

Библиографический список

1. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — Л. : Наука, 1974. — 427 с.

2. Уфимцева, А. А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка) / А. А. Уфимцева. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. — 287 с.
3. Реформатский, А. А. Термин как член лексической системы языка / А. А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики. — М. : Наука, 1968. — С. 103–125.
4. Кубрякова, Е. С. Основы морфологического анализа (на материале германских языков) / Е. С. Кубрякова. — М. : Наука, 1974. — 319 с.
5. Суперанская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. — М. : Едиториал УРСС, 2003. — 248 с.
6. Мельников, Г. П. Основы терминоведения / Г. П. Мельников. — М. : Наука, 1991. — 189 с.
7. Кулебакин, В. С. Работы по построению научно-технической терминологии СССР и советская терминологическая школа / В. С. Кулебакин, Я. А. Климовицкий // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М. : Наука, 1970. — С. 11–40.
8. Реформатский, А. А. Мысли о терминологии / А. А. Реформатский // Современные проблемы русской терминологии. — М. : Наука, 1986. — С. 163–198.
9. Котелова, Н. З. К вопросу о специфике термина / Н. З. Котелова // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М. : Наука, 1970. — С. 122–126.

10. Канделаки, Т. Л. Работа по упорядочению научно-технической терминологии и некоторые лингвистические проблемы, возникающие при этом / Т. Л. Канделаки // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М. : Наука, 1970. — С. 40–52.
11. Ткачёва, Л. Б. Основные закономерности английской терминологии / Л. Б. Ткачёва. — Томск : Изд-во том. ун-та, 1987. — 200 с.
12. Даниленко, В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. — М. : Наука, 1977. — 246 с.
13. Лейчик, В. М. Новое в советской науке о терминах / В. М. Лейчик // Вопросы языкознания. — 1983. — № 5. — С. 116–127.

ШУМАЙЛОВА Марина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Адрес для переписки: e-mail: marina_shumailov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.02.2011 г.
© М. С. Шумайлова

УДК 811.112.2:81'373:629.33

Ю. Н. РЕВИНА

Омский государственный
технический университет

ФРЕЙМОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АВТОМОБИЛЬНОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена рассмотрению понятия «фрейм», различных подходов к его изучению. В статье применен метод фреймового анализа для представления автомобильной терминосистемы в русском языке.

Ключевые слова: автомобильная терминосистема, фрейм, фреймовая модель, слот.

Важным этапом анализа любой отраслевой терминосистемы, по замечанию Л. В. Ивиной, является выявление концептуально-языковой структуры терминов, фиксирующей положение именуемых концептов специальной сферы деятельности во фреймовой структуре, в которой концепты, называемые рядом авторов «ядром терминосистемы», и становятся ее центральной частью [1].

Одним из наиболее приемлемых методов рассмотрения лексического значения, позволяющим выявить одновременно парадигматические и синтагматические особенности лексической единицы, представляется *фреймовый подход* как центральные метод когнитивной семантики, объектом исследования которой и является семантическое пространство языка (значение), входящих в структуру мыслительных (ментальных пространств), а также взаимодействие данных феноменов [2].

Фреймовый подход имеет принципиальное отличие от других способов группировки лексики. Это отличие состоит в том, что, группируя лексические единицы, мы идем от когнитивного уровня к языковому, т.е. основной систематизации служит менталь-

ная модель фрагмента действительности. Фреймовая организация лексики — это выделение лексических групп, каждая из которых представляет единое целое, поскольку является лексическим представителем некоторой единой схематизации опыта на когнитивном уровне. В каждом случае, для того чтобы понять значение одной из лексических групп, необходимо соотносить ее с фреймом как целым [3].

Фреймовый метод приобрел особую популярность у исследователей вследствие своей универсальности, которая объясняется тем, что фрейм является, по сути, максимально обобщенной и, соответственно, универсальной системой репрезентации различной информации.

На современном этапе исследователи используют категорию фрейма в лингвистических исследованиях для анализа дискурса, связности текста, текстовых лагун, семантического поля текста, а также при рассмотрении процессов семантической деривации, в качестве концепта, организующего лексику, и т.д.

Фрейм является предметом исследования многих отечественных и зарубежных ученых (А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов, В. А. Маслова,

Л. В. Ивина, Д. И. Руденко, М. Минский, Ч. Филмор и т.д.).

В настоящий момент термин «фрейм» используется многими исследователями, однако он не получил однозначного определения, которое описывало бы и включало в себя все аспекты этого многомерного понятия. Каждый ученый рассматривает данное понятие под своим углом:

1) *Фрейм* — когнитивная структура, тип взаимодействия между концептами, как способ организации ментального пространства [4];

2) *Фрейм* — сеть, состоящая из узлов и связей между ними, каждый узел должен быть заполнен своим «заданием», представляющим собой те или иные характерные черты ситуации, которой он соответствует [5];

3) *Фрейм* — «организованная ментальная картинка», отражающая знания о стереотипной ситуации, организующее концептуальное начало, обеспечивающие, как семантическое единство, так и формирование, модификацию значения объективирующей его лексики [6];

В кратком словаре когнитивных терминов (Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянкова, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина) авторы сгруппировали подходы к пониманию фрейма следующим образом:

— система выбора языковых средств — грамматических правил, лексических единиц, языковых категорий, — связанных с прототипом сцены. Кроме связей внутри фрейма, есть еще и межфреймовые отношения, существующие в памяти как результат того, что разные фреймы включают один и тот же языковой материал, а элементы сцен сходны, определяют одним и тем же репертуаром сущностей, отношений или субстанций, а также контекстов употребления в жизни человека;

— в концепции Э. Гоффмана фрейм ассоциирован со словом «каркас» и указывает на «аналитические леса» — подпорки, с помощью которых мы постигаем свой собственный опыт;

— общее родовое обозначение набора понятий типа: схема, сценарий, когнитивная модель, «наивная», или «народная», теория как система категорий, структурированных в соответствии с мотивирующим контекстом. Некоторые слова существуют для того, чтобы обеспечить коммуникантам доступ к знанию таких фреймов, а одновременно категоризируют опыт в опоре на систему понятий;

— единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия. Фрейм обладает более или менее конвенциональной природой и поэтому конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично, а что — нет. Особенно важно это по отношению к определенным эпизодам социального взаимодействия — поход в кино, поездка на поезде — и вообще по отношению к рутинным эпизодам. Фрейм организует наше понимание мира в целом, а тем самым и обыденное поведение (скажем, когда мы платим за дорогу или покупаем билеты привычным для нас образом). Фрейм при таком подходе — структура данных для представления стереотипной ситуации (типа: нахождение в комнате, ритуал детского дня рождения), соответствующая обычно частотным, но иногда и непродуктивным стереотипам. С каждым фреймом связано несколько видов информации: об его использовании и о том, что следует ожидать затем, что делать, если ожидания не подтвердятся [7].

В. А. Маслова сопоставляет понятие *фрейма* с такими понятиями, как «схема», «картина», «сценарий» (скрипт), «гештальт» [8].

Таким образом, в лингвистической литературе на сегодняшний день представлено достаточно большое количество точек зрения языковедов, определяющих фрейм с разных позиций. Однако, несмотря на множество разноплановых трактовок понятия, можно отметить ряд положений на природу фрейма, которые являются общими для различных воззрений:

1) практически во всех толкованиях фрейм рассматривается как некая структура, позволяющая представить стереотипную ситуацию;

2) фрейм трактуется как некая когнитивная область, которая ассоциируется с данной лингвистической единицей. При этом обнаруживается связь фрейма с вербальным инструментарием языка и когнитивной областью сознания, в которой через языковые структуры активизируется схематизированный образ-представление опытного знания человека.

В нашем исследовании фрейма автомобильной терминосистемы в русском языке мы придерживаемся следующей трактовки термина «фрейм»: «фрейм-единица знаний, которая организована вокруг некоего концепта и содержит данные о существенном, типичном, возможном для этого концепта в рамках определенной структуры» (Т. А. ван Дейк).

Формально фрейм можно представить в виде структуры узлов и отношений. Составляющие фрейма — слоты, которые «содержат некоторый тип информации, релевантный для описываемого объекта действительности. Слоты представляют собой пустые узлы, заполняемые переменными». Характерная особенность фрейма, отличающая его от значения, — «энциклопедичность», содержание в структуре самых разнообразных знаний о называемом словом референте» [3, с. 93]. Структура фрейма показывает степень дифференциации науки, а слоты — имена или названия понятий наиболее существенных для данной науки.

В работе исследователей А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского отмечается, что фреймы обладают внутренней структурой, элементы которой представлены сложной конфигурацией слотов и их содержания. В слотах может содержаться информация различной степени сложности от простого признака до специальных фоновых значений или даже энциклопедических данных. Каждый слот со своим содержанием отражает знания об определенной сущности в мире, но не является просто перечислением её основных свойств [9].

А. П. Чудинов представляет структуру фрейма в виде слотов, конкретизирующих определенный аспект фрейма. «При характеристике составляющих слота следует употреблять термин концепт, который определяется как «единица сознания, ментального лексикона». Для обозначения концептов чаще всего используются слова естественного языка» [10].

Интересной представляется структура фрейма предложенная О. В. Чурсиным. Ввиду того, что в последнее время лингвистические когнитивные явления рассматриваются с позиции сразу нескольких наук, таких как лингвистика, психология, философия, теория искусственного интеллекта, автор считает целесообразным представить структуру фрейма «в виде определенной кристаллической решетки (по типу молекулярной), где каждый узел заполнен определенным компонентом, который в свою очередь, может представлять собой конкрет-

ный фрейм. Вершина (имя) фрейма в виде лексемы-идентификатора, под которой понимается слово, выражающее содержание исследуемого понятия в самой простой. Самой объективной и наиболее абстрактной форме, находиться в центре кристалла. Ближайшие к нему узлы являются терминалами, в то время как более отдаленные — слотами» [2, с. 76].

На основе вышеизложенных характеристик фрейма представим фреймовый анализ автомобильной терминосистемы в русском языке.

Изучение организации знаний каждой конкретной сферы деятельности человека посредством фреймового анализа становится наиболее действенным способом изучения терминосистем, так как вся терминосистема организована через фрейм — структурную единицу, которая позволяет увидеть процесс вхождения научных понятий в реальную коммуникативную ситуацию.

Ю. И. Уткина полагает, что построение фрейма позволяет упорядочить терминосистему, так как фрейм можно представить «в виде своеобразной таблицы, верхние ячейки которой заполнены заранее, а нижние пусты и заполняются тогда, когда фрейм-сетка набрасывается на текст и из него извлекается понятийная информация» [1, с. 9].

Фрейм любой терминосистемы можно рассматривать в качестве своеобразной иерархической лестницы (под)фреймов, связывающих данный фрейм функциональными отношениями с перечисленными (под)фреймами, что позволяет вывести нижестоящий фрейм из вышестоящего. Блоки фрейма заполняются конкретной информацией о данной терминосистеме. Причем языковое оформление зависит от концептуальной структуры термина и его места в системе [11].

Построение фрейма позволит показать концептосферу автомобильной терминологии, выделить ее основные понятия. В процессе исследования лексико-семантического поля «Транспорт» И. Э. Коротаева отмечает, что в основе наименования предметов и явлений сферы транспорта лежат различные категориальные признаки, явно отражающие те виды деятельности, которые связаны с транспортом (изготовление, реклама, продажа, обслуживание автомобиля, управление автомобилем, перевозка пассажиров и грузов, строительство дорог, мостов, туннелей и т.д.) [12]. В каждой науке постоянно повторяются процессы категоризации, которые закрепляются терминологической лексикой.

Для построения фрейма автомобильной терминосистемы в русском языке нами был проведен анализ специальной литературы и тщательно изучен весь корпус автомобильных терминов, с целью выявления основных понятий изучаемой отрасли, опираясь на которые возможно классифицировать все существующие номинативные единицы терминосистемы. Необходимо оговориться, что в основу положена схема семантической классификации автомобильных терминов предложенная О. И. Павловой, которая была нами расширена и дополнена [13].

Таким образом, в общий фрейм «Автомобильная терминосистема» включены концептуальные области — подфреймы, представленные следующими областями:

1. Автомобиль
2. Техническое обслуживание и ремонт автомобиля
3. Автомобильные перевозки (перевозка пассажиров и грузов)
4. Производство автомобилей

Выделенные подфреймы объединяются общим знанием об автомобиле, который в сознании наших современников стал предметом повседневной действительности, традиционным транспортным средством, способным перемещаться и перемещать что-либо.

Построение фрейма любой терминосистемы не может считаться завершенным после включения в ее структуру лишь базовых концептов, а должно предусматривать представление во фреймовой схеме всех входящих в нее элементов. Все остальные понятия, составляющие изучаемую область, могут быть выведены из вышеназванных концептов или определены при помощи них.

Вследствие этого все вышеназванные элементы включают в себя слоты более низкого уровня, сам же фрейм «Автомобильная терминосистема», может входить во фрейм более высоко порядка, например, являться составной частью более крупного фрейма «Транспорт» [12, с. 105].

По своей структуре фрейм «Автомобильная терминосистема» обладает вершиной — именем, темой стереотипной ситуации. Мы выделяем четыре основных подфрейма, которые называют меньшие по объему когнитивные образования, формирующие основной фрейм: «Автомобиль», «Техническое обслуживание и ремонт», «Автомобильные перевозки», «Процесс производства автомобилей». Каждый подфрейм состоит из ряда слотов, которые конкретизируют определенный аспект фрейма.

1. Подфрейм «Автомобиль» организует вокруг слоты: «Устройство, детали и системы», «Типы и марки».

2. Вокруг подфрейма «Техническое обслуживание и ремонт автомобиля» организованы слоты: «Диагностика», «Покраска», «Тюнинг».

3. Подфрейм «Автомобильные перевозки» заполнен слотами: «Дороги и дорожные объекты», «Субъекты дорожного движения», «Правила дорожного движения».

4. Подфрейм «Процесс производства автомобилей» включает в себя слоты: «Фирмы и автоконцерны», «Процессы и операции», «Материалы и вещества».

Лексическое наполнение подфреймов и слотов представлено терминологическими единицами, демонстрирующими процессы (явления); предметы техники (материалы, инструменты, детали); свойства (параметры, единицы измерения, расчетные понятия); действующие лица.

Необходимо отметить, что в состав слотов вовлекаются все новые признаки. Этот процесс будет непрерывно развиваться, следуя за развитием транспорта и техники. Так, например, усложнение конструкций автомобиля, «мода» на размер, цвет, тип кузова повлекут за собой возникновение и появление большого количества новых терминов, наиболее четко отражающих эти понятия в исследуемой области.

Наибольшим количеством терминологических единиц представлен подфрейм «Автомобиль». Слот «Устройство, детали и системы» — заполнен следующими примерами: *крутящий момент, аэродинамика автомобиля, климат-контроль, механический надув, амортизаторы, задний дифференциал, акселератор, консоль, трансмиссия, иммобилайзер, кабина, салон, кузов, багажник, колесо, шина, резина, двигатель, мотор, руль, фара, спидометр, механик, бампер, выхлопная система, ABS — антиблокировочная система.*

Такое численное представление терминами не случайно, т.к. именно это транспортное средство является своеобразным смысловым центром терминосистемы, ее ядром, вокруг которого происходят различные действия.

Как отмечает Е. Н. Булатникова, на современном этапе бытования концепта «автомобиль» при преобладании денотативных признаков происходит формирование культурных смыслов, обусловленных экстралингвистическими факторами. Одним из таких смыслов, культивируемых в современном обществе, является социальная значимость автомобиля. На речевом уровне это проявляется в приписывании автомобилю субъектности [14].

Следующим по количеству лексической представленности является подфрейм «**Техническое обслуживание и ремонт автомобиля**», примеры, репрезентирующие слот «Диагностика»: *СТО, техцентр, автосервис, бортовать, вулканизация, развал колес, регулирование, срок службы, срок эксплуатации*; слот «Покраска» представлен следующими примерами: *автоэмаль, антикоррозийная обработка*; «Тюнинг»: *звукоизоляция, молдинг, спойлер, защитные покрытия, спутниковая навигация, солнцезащитный козырек*.

Подфрейм «**Автомобильные перевозки**» номинирован примерами слот «Дороги и дорожные объекты»: *путь, трасса, шоссе, автострада, проезжая часть*; слот «Субъекты дорожного движения» — *автоинспектор, регулировщик, автомобилист, шофер, водитель, пассажир*; слот «Правила дорожного движения»: *светофор, дорожные знаки, водительские права*.

Минимальным количеством примеров по сравнению с остальными, номинирован подфрейм «**Процесс производства автомобилей**», слот «Процессы и операции»: *легирование, полировка, отделка автомобиля, конструкция, износостойкость*; слот «Материалы и вещества»: *смазочное масло, стеклопластик, уплотнитель*.

Построенная фреймовая схема автомобильной терминосистемы включает в себя все выявленные нами базовые концепты, а также основные функциональные связи, существующие между ними. Тем самым фреймовая схема, ядром которой являются такие базовые концепты, как «*Автомобиль*», «*Техническое обслуживание и ремонт автомобиля*», «*Автомобильные перевозки*», «*Процесс производства автомобилей*», не только дает возможность определить направления номинативных единиц, но и позволяет в известной степени оценить прагматическую значимость тех или иных групп терминов.

Фреймовый анализ показывает, что терминологическая лексика системна, вся пронизана связями, которые устанавливаются через ключевые понятия, которые действуют внутри каждой конкретной системы.

Книжная полка

Ходасевич, В. Ф. Державин / В. Ф. Ходасевич. — М. : Статут, 2011. — 248 с. — ISBN 978-5-8354-0762-0.

Книга В. Ф. Ходасевича (1886—1939) — поэта, мемуариста, критика и историка литературы — психологически тонкое воссоздание сложных общественных отношений екатерининской эпохи, житейских перипетий и творческих исканий великого русского поэта, государственного деятеля, гражданина — Гаврилы Романовича Державина. Для широкого круга читателей.

Библиографический список

1. Ивина, Л. В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования) : учеб.-метод. пособие / Л. В. Ивина. — М. : Академический проект, 2003. — 304 с.
2. Чурсин, О. В. Функционально-семантическая характеристика современной английской музыкальной лексики: когнитивно-фреймовый подход : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Чурсин. — Пятигорск, 2009. — 23 с.
3. Плешакова, А. В. Исследование фреймов «происшествие» на материале русских и английских текстов жанра «информационное сообщение» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Плешакова — Саратов, 1998. — 210 с.
4. Дейк, ван Т. Стратегии понимания связного текста / Дейк ван Т. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23 — Когнитивная лингвистика. — М., 1988. — 153 с.
5. Minsky, M. A Framework for Representing Knowledge // Cognitive Science, Collins, Allan and Edward E. Smith (eds.) Morgan-Kaufmann, 1992. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://web.media.mit.edu/~minsky/papers/> (дата обращения : 25.01.2011).
6. Филмор, Ч. Фреймы и семантика языка / Ч. Филмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. — Когнитивная лингвистика. — М., 1988. — С. 52—93.
7. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.] ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М., 1997. — 245 с.
8. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова. — М. : Флинта, 2007. — 296 с.
9. Баранова, А. Н. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / А. Н. Баранова, Д. О. Добровольский / Московский государственный университет. — М., 2001. — 445 с.
10. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : монография / А. П. Чудинов. — Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. — 238 с.
11. Зяблова, О. А. Принципы исследования языка для специальных целей : На примере языка экономики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. А. Зяблова. — Москва, 2005. — 46 с.
12. Коротаяева, И. Э. Лексико-семантическое поле «Транспорт» в американском варианте английского языка : Лингвокультурологический и переводоведческий аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Э. Коротаяева. — Москва, 2004. — 21 с.
13. Павлова, О. И. Лексемные и фраземные средства терминологической номинации (на материале английской автомобильной терминосистемы) : дис. ... канд. филол. наук / О. И. Павлова. — Киев, 1985. — 167с.
14. Булатникова, Е. Н. Концепты «лошадь» и «автомобиль» в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Булатникова. — Екатеринбург, 2006. — 19 с.

РЕВИНА Юлия Николаевна, преподаватель, аспирантка кафедры иностранных языков.
Адрес для переписки: e-mail: Julia_L_23@list.ru

Статья поступила в редакцию 07.02.2011 г.

© Ю. Н. Ревина

ПОСТРОЕНИЕ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ НА ОСНОВЕ ЕЕ КОМПОНЕНТНЫХ ПОЛЕЙ

Рассмотрены подходы к изучению структуры языковой личности. Предлагается новый подход к структурированию языковой личности. Компоненты языковой личности, объединенные по отдельным признакам, образуют компонентные поля. Устанавливается соответствие между структурой, образованной единством компонентных полей, и структурой языковой личности, предложенной Ю.Н. Карауловым.

Ключевые слова: языковая личность, структура, компонент, компонентное поле.

Несомненно, феномен языковой личности является одним из наиболее изученных в современной филологической науке, что обусловлено значительным интересом к рассмотрению лингвистических явлений в рамках антропоцентрической парадигмы. Исследователям удалось прийти к согласию в отношении ряда проблем в данном направлении и выработать единое мнение по многим вопросам. Однако вопрос о структурировании языковой личности требует гораздо более подробного изучения и детальной проработки. Это связано прежде всего с тем, что языковая личность как одно из центральных понятий современной филологической науки имеет значение для решения ряда проблем в сфере соотношения языка и сознания и, следовательно, должна быть рассмотрена с различных точек зрения. Данная статья посвящена разработке структуры языковой личности на основе ее мельчайших элементов.

Рассмотрение структуры языковой личности необходимо предварить раскрытием термина «языковая личность». Наиболее часто цитируемое в научной литературе определение языковой личности принадлежит Ю. Н. Караулову, исследователю, который ввел это понятие. Согласно ему, языковая личность — это «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [1, с. 3]. Эту точку зрения можно считать сугубо лингвистической, поскольку автор не учитывает психологические и философские аспекты исходного термина «личность». Ряд исследователей (В. П. Нерознак, О. Б. Сиротина) особо указывают на индивидуальность языковой личности [2, с. 7; 3, с. 112; 4, с. 53–55], а В. П. Тимофеев обращает внимание на ее изменчивую сущность [5, с. 28–42]. Поскольку каждое общество имеет свою историю и претерпевает значительные изменения на каждом ее этапе, необходимо признать способность языковой личности развиваться вместе со своим социумом, проявляя свой динамический характер.

Рассмотрение существующих подходов к определению языковой личности позволяет сделать вывод, что она является представителем социума, наделенным способностью вербальной коммуникации, носителем сознания, присущего данному социуму, при этом не лишенным индивидуальных речемыслительных характеристик. Такое определение является результатом сопоставления ряда подходов. Тем не

менее в проблеме личности в языке до сих пор остается ряд моментов дискуссионного характера. Одним из них является вопрос о структуре языковой личности.

Рассмотрение структуры языковой личности целесообразно начать с приведения трактовки структуры личности в психологии как исходного объекта. В психологии структура личности представляет собой комплекс четырех подструктур [6, с. 99]. Первая подструктура является преломлением общественного сознания через призму сознания индивида. Вторую подструктуру наполняют знания, умения и навыки индивида, как приобретенные, так и врожденные, обусловленные генетически. Психические характеристики лежат в основе третьей подструктуры, к ним можно отнести память, ощущения, эмоции и др. Тип темперамента составляет основание для выявления четвертой подструктуры [6, с. 99]. Таким образом, личность образуется единством общественного, деятельностного, психологического и эмоционального. Несомненно, что данные факторы присущи и личности языковой. Более того, они, несомненно, являются базовыми, ключевыми, поскольку восходят к трактовке личности в психологии. Языковая личность реализует их в языке и через язык. Именно данные факторы принимаются за основу в разработке компонентно-полевой структуры языковой личности, предлагаемой в данной статье.

На сегодняшний день наиболее широко известной и поддержанной в научных кругах является структура языковой личности, предложенная Ю. Н. Карауловым. Структура языковой личности, по Ю. Н. Караулову, состоит из трех уровней: вербально-семантического (структурно-системный), когнитивного (тезаурусный), прагматического (мотивационный) [1, с. 35–37; 7, с. 59; 8, с. 72]. Ю. Н. Караулов также осуществляет раскладку процесса понимания по данным уровням таким образом, что мотивационному уровню соответствует понимание замысла отправителя текста, тезаурусному — понимание концепции текста, вербально-семантическому — понимание смысла слов и их соединений. Единицами вербально-семантического структурного уровня являются слова, отношения между которыми выражены различными грамматическими связями [9, с. 138–139]. На тезаурусном уровне функционируют понятия,

идеи, концепты [10, с. 5]. Мотивационный уровень представляет собой «сферу морально-нравственных интенций, мотивов и потребностей, сфера желаний, интересов и стремлений» [9, с. 138] и имеет наименее выраженный лингвистический характер. Однако именно мотивационный уровень обуславливает глубоко индивидуальный характер языковой личности [9, с. 138 – 139]. В. И. Карасик, в целом принимая данную модель структуры, делает оговорку, что указанные уровни не могут существовать обособленно, а функционируют в непрерывной связи друг с другом [11, с. 175]. Данный подход к структурированию языковой личности при своей очевидной достоверности, тем не менее, оставляет пространство для разработки других подходов, т.к. в рамках данной структуры набор функций языковой личности сводится к усвоению информации.

Выявление компонентных полей определяет новый подход к структурированию языковой личности, попытка которого осуществляется в данной статье. Компоненты структуры языковой личности, сгруппированные по различным признакам, образуют поля. Структура языковой личности, как ее организованная сущность, вторична по отношению к ее компонентным полям. Компоненты языковой личности имеют определенную организацию, но она, тем не менее, весьма условна, что и является основным отличием компонентов от элементов структуры.

В данной статье языковая личность рассматривается как единство компонентных полей, что представляет собой новый, в большей степени личностно ориентированный, подход к ее структурированию. Антропоцентрическая парадигма, определяющая основные позиции современного языкознания предполагает рассмотрения языка в тесной связи с его автором, — человеком. Исходя из этого становится возможно сделать вывод о том, что языковая личность устроена не менее сложно, чем собственно человеческая личность. Человеческая сущность не может быть помещена в жесткие рамки устойчивых, не меняющих своего положения механизмов. Таким образом, в качестве структуры языковой личности предлагается единство общностей языковых проявлений, сгруппированных по таким признакам, как поведение, этническая принадлежность и психологические особенности.

Прежде всего, принимая во внимание то, что языковая личность осуществляет социальную коммуникацию, рефлексивна и мотивирована рядом, как социально обусловленных, так и индивидуально-личностных характеристик, ее целостность не предполагает статичности. Напротив, она изменчива и ее различные проявления в тех или иных социальных условиях способны попеременно принимать ведущее значение.

Столь ярко выраженная внутрисконструктурная мобильность, отраженная, в том числе, в отсутствии устойчивых иерархических и мотивирующих отношений вступает в противоречие собственно с термином «уровень». Согласно определению, приведенному в Толковом словаре русского языка под редакцией С. И. Ожегова, уровень представляет собой горизонтальную плоскость или границу измерения высоты, подразделение чего-то нецелого, получаемое при его расчленении [12, с. 837]. Введение нейтрального термина «компонент» кажется более обоснованным. Под компонентом понимают составную часть чего-либо [12, с. 288]. В данной статье компонент рассматривается как элементарная единица поля. Введения понятия «поле», обозначающего пространство, в пре-

делах которого проявляется действие каких-либо сил [12, с. 552] также представляется обоснованным. Данное понятие заимствовано из области физики, но и в данном контексте с достаточной степенью точности раскрывает суть отношений между компонентами и позицией компонентов по отношению, собственно, к полю. Как, например, магнитное поле представляет собой естественную среду движения и взаимодействия волн, так и поле компонентов языковой личности, объединяет их и создает основу для их мобильности и развития. В качестве полей компонентов языковой личности в данной статье предлагаются психологическое, деятельностное и национальное.

В научной литературе рассмотрение компонентов языковой личности можно найти у В. М. Масловой, которая относит к ним ценностный, культурологический и личностный [13, с. 119]. Однако данный подход отличается от предлагаемого в данной статье, поскольку сходство является не более, чем терминологическим. Данный исследователь не вводит понятия поля и называет компонентом весь комплекс ценностных, культурологических или личностных особенностей. Такой терминологический подход не предусматривает учета более мелких частиц, образующих компонент. В то же время, очевидно, что каждая мельчайшая частица, образующая языковую личность является частью ее структуры, внутри которой ей должен быть присвоен определенный статус.

Поле психологических компонентов включает психологически мотивированные особенности речи, например, экспрессивность. Психологические особенности человека определяют его поведение. Именно поэтому поля психологических и деятельностных компонентов имеют зону пересечения. Языковая личность имеет ярко выраженный социальный характер, поэтому ее полное и глубокое рассмотрение невозможно без обращения к ее речевым способностям, т.к. речь представляет собой опосредованную языком форму общения, исторически сложившуюся в процессе деятельности людей [14, с. 5]. Именно язык и, следовательно, речь делают личность языковой. Следовательно, компонентный анализ языковой личности требует рассмотрения ее деятельностных проявлений. Поле деятельностных компонентов напрямую связано с лингвистической компетенцией языковой личности, ее языковым поведением. В работах В. И. Тхорика, Н. Ю. Фаняна человек рассматривается как субъект языка, чья деятельность разделена на ментальный, фактический и статусный аспекты. К первому относят создание картины мира. Далее наиболее очевидным и вытекающим из предыдущего вида активности человека в языке является собственно порождение речи — фактический аспект. Наконец, процесс коммуникации определяет ролевые отношения индивидов в языке и относится к статусу [15, с. 43]. Несомненно и то, что собственно речь человека представляет собой вид деятельности. Данные аспекты, в рамках разработки компонентно-полевой структуры языковой личности, можно уподобить компонентам деятельности языковой личности, единством которых создается поле ее деятельностных компонентов — второй элемент предлагаемой структуры.

Третье поле объединяет национально-обусловленные компоненты языковой личности. Исследователями (В. В. Красных, В. И. Карасик, А. Г. Асмолов, Р. М. Фрумкина, С. Г. Тер-Минасова, В. А. Маслова, Ю. Г. Степанов) признано, что особенности картины

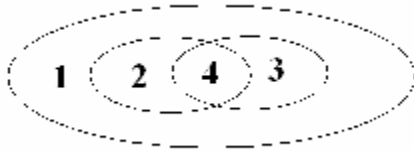

Рис. 1. Взаиморасположение полей компонентов языковой личности:

- 1 — поле национальных компонентов языковой личности
 2 — поле деятельностных компонентов языковой личности
 3 — поле психологических компонентов языковой личности
 4 — пересечение деятельностного и психологического компонентных полей

мира, речевой деятельности и языкового сознания индивида связаны с его этнической принадлежностью [16, с. 213; 17, с. 158; 18, с. 45; 19, с. 86; 20, с. 56; 21, с. 8; 22, с. 15]. К национально-обусловленным компонентам языковой личности можно отнести обычаи, традиции, оценки, стереотипы и ряд других особенностей так или иначе связанных с ее принадлежностью к определенной этнической группе. Данные компоненты образуют самостоятельное, обширное поле, а именно, поле национальных компонентов структуры языковой личности, разрабатываемой в данной статье.

Особенностью «национального поля» является то, что оно охватывает два предыдущих — психологическое и деятельностное. Это связано с тем, что этническая принадлежность является одной из основных характеристик личности, в том числе, языковой, когда она начинает свою жизнь. Национальная самоидентификация играет значительную роль в становлении личности и определяет ряд ее мотивирующих факторов. Именно поэтому возможно говорить, что национальная принадлежность создает общую среду, в которой реализуются все остальные особенности языковой личности, представленные в виде ее компонентов и сгруппированные в соответствующие компонентные поля.

Соотношение компонентных полей можно представить схематично (рис. 1). Хотя все компоненты языковой личности и находятся в переменном взаимодействии, их общность имеет логическое основание. Таким образом, основными характеристиками компонентных полей является их относительная автономность, а также взаимодополняющий и взаимоуточняющий характер.

Данная схема принципиально отличается от структуры языковой личности, предложенной Ю. Н. Карауловым и поддержанной рядом других исследователей, поскольку в их основу положены разные принципы: в предложенной схеме компонентов во главу угла поставлено различие внутренних и внешних языковых проявлений (в целом, компоненты рассматриваются с точки зрения речетворчества), в то время как Ю. Н. Караулов отталкивается от процесса понимания, т.е. усвоения информации. Целесообразно говорить о том, что структура языковой личности, предложенная Ю. Н. Карауловым, и структура, приведенная в данной статье, являются взаимоуточняющими, поскольку рассматривают построение языковой личности с разных сторон, более подробно освещая различные ее аспекты.

Таким образом, в данной статье предлагается новый подход к структурированию языковой личности, основанный на выделении ее элементарных

частиц — компонентов, единство которых образует такие поля, как национальное, психологическое и деятельностное. В этом состоит основное отличие данного подхода от существующих. В рамках такого подхода структура языковой личности рассматривается с точки зрения актуальной сегодня антропоцентрической парадигмы. Компонентное структурирование языковой личности отражает сферу ее поведенческих проявлений, интенций и особых представлений об окружающем ее мире, основанных на проявлениях коллективного сознания, присущего социуму, которому она принадлежит. Предложенная структура может служить дальнейшим исследованиям языковой личности в русле этнолингвистики и лингвокультурологии для соотношения национально обусловленных, деятельностных и психологических проявлений языковой личности и установления взаимосвязей между ними.

Библиографический список

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М. : Наука, 1987. — 264 с.
2. Карасик, В.И. Иная ментальность / В.И. Карасик. — М. : Гнозис, 2005. — 352 с.
3. Нерознак, В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод : сб. науч. тр. Московского лингвистического ун-та, 1996. — С. 112—116.
4. Сиротинина, О. Б. Речь отдельных журналистов в газете «Известия» / О. Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации. — Вып. 2. — Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2003. — С. 51—57.
5. Тимофеев, В. П. Личность и языковая среда / В. П. Тимофеев. — Шадринск : Свердловский пед. ин-т, 1971. — 122 с.
6. Рублик, Т. Г. Языковая личность и ее структура / Т. Г. Рублик // Вестник Башкирского университета. 2007. — № 1. — С. 99—101.
7. Птицына, И. Ф. К вопросу о формировании вторичной языковой личности (на материале обучения японскому языку и культуре) / И. Ф. Птицына // Современные проблемы и науки образования. — М. : Академия естествознания, 2007. — № 3. — С. 59—64.
8. Смирнова, А. А. Языковая личность и психотип человека (на примере анализа языка одного из персонажей романа «Белая гвардия» М. Булгакова) / А. А. Смирнова // Язык и культура. — 2008. — № 3. — С. 72—76.
9. Московская, Н. Л. Формирование профессиональной компетенции лингвиста-преподавателя в интегрально-коммуникативном образовательном пространстве / Н. Л. Московская. — Ставрополь : Издательство СГУ, 2002. — 375 с.
10. Добровольский, Д. О. Идиоматика в тезаурусе языковой личности / Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов // Вопросы языкознания. — 1993. — № 2. — С. 5—15.
11. Карасик, В. И. Аспекты языковой личности / В. И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации : сб. науч. трудов / Под ред. Н. А. Красавского. — Волгоград : Колледж, 2001. — С. 172—183.
12. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 1999. — 944 с.
13. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. — М. : Асад, 2001. — 208 с.
14. Дьяченко, М. И. Психология : словарь-справочник / М. И. Дьяченко, М. И. Кандыбович. — Минск : Хэлтон, 1998. — 399 с.
15. Тхорик, В. И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация / В. И. Тхорик, Н. Ю. Фанян. — М. : ГИС, 2005. — 260 с.

16. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвакультурология : Курс лекций / В. В. Красных. — М. : Гнозис, 2002. — 284 с.

17. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2004. — 390 с.

18. Асмолов, А. Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа / А. Г. Асмолов. — М. : Смысл, 2001. — 416 с.

19. Фрумкина, Р. М. Психоллингвистика / Р. М. Фрумкина. — М. : Acad, 2001. — 320 с.

20. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — М. : Слово, 2000. — 624 с.

21. Маслова, В. А. Языковая картина мира и культура / В. А. Маслова // Когнитивная лингвистика конца XX века : материалы Междунар. науч. конф. В 3 ч. Ч. 1. — Минск, 1997. — С. 35–47.

22. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — М. : Языки русской культуры, 1997. — 824 с.

СТАУРСКАЯ Наталья Валерьевна, переводчик отдела международных связей Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина, соискатель по кафедре английской филологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Адрес для переписки: e-mail: Nat_staur@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.02.2011 г.

© Н. В. Стаурская

УДК 82-21

Е. Г. АЛЕКСАНДРОВА

Омская гуманитарная академия

ВНУТРЕННЯЯ ПРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ КОМПОЗИЦИОННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ТРАГЕДИИ А. С. ПУШКИНА «СКУПОЙ РЫЦАРЬ»

Одним из наиболее важных моментов прочтения трагедии А. С. Пушкина «Скупой рыцарь» является сопоставительное прочтение всех трех сцен в их идейно-композиционной соотнесенности. В данной работе основное внимание мы уделили осмыслению структурно-семантической симметрии монолога барона (вторая сцена) и первой и третьей сцен.

Ключевые слова: герой, композиция, трагедия, сцена, сопоставление, структурные элементы.

Необходимым элементом понимания всего идейно-содержательного пласта трагедии «Скупой рыцарь» является сопоставление первой и третьей сцен в их симметрическом соотношении со второй сценой, являющейся композиционной линией средоточия смыслов и мотивов, пред-событий и их следствий.

Сопоставительное осмысление состояний героя, его мыслей и чувств в отмеченных структурных элементах дает возможность более точного прочтения всей драмы в целом, возможность понимания глубинных основ нравственного конфликта и определения путей его разрешения.

Так, первая сцена отмечена той же антитезой, какая была фактом движения действия второй сцены: «Я» — «Он». В данном случае источником противопоставления становится личностное мировидение Альбера, его внутреннее сопротивление реальности бедной юности сына богатого скупца. Именно сознание оппозиционности и чувство обиды (но не ненависти, которую питает отец) заставляет его «искать управы», что в конечном итоге приводит к смерти отца.

Третья сцена уже сводит в одной пространственной точке разделенные границами подвала две имма-

нентные (сколь это не парадоксально) непримиримости — сына и отца. Каждый из героев являет свою антитезу «Я» — «Он». И здесь мы видим, как трагически разрушаются грани, очерчивающие нравственные круги личности барона и Альбера. Сила, какая чувствовалась в начальных словах монолога Филиппа (вторая сцена), была утрачена им в момент размышления о наследнике. Так же бессилён был барон и тогда, когда во дворце ему пришлось «столкнуться» с приемником. Однако ненависть лишает его уверенности и силы «быть», жить. Он теряет свои ключи, утрачивает власть и погибает. Сын же удаляется, разгневанный неудачной попыткой «стать наследником».

Но что же на самом деле произносит Альбер, когда поспешно поднимает перчатку: «Благодарю. Вот Первый дар отца» [1, с. 359] Возникает чувство, что эта их первая «встреча», что они впервые так близко «видят» друг друга и впервые говорят друг с другом. Вспомним, чем была «заполнена» жизнь барона — только стремлением к богатству. Во имя этого он отверг все и даже пожертвовал совестью.

Но он еще пожертвовал и сыном, о котором ни разу не упоминает в своих размышлениях о смысле жизни («Вот мое блаженство!»). И лишь тогда, когда

речь заходит о возможности все потерять, он вспоминает об Альбере. Но так и не называет его сыном. Для него он не просто чужой человек, но тот, кто вослед придет. По мнению барона, Альбер не столько разорит, разграбит, сколько уничтожит «державу», разменяет Власть, Могущество на сиюминутные развлечения. «Святой алтарь» осквернит низменностью неприхотливых желаний и суетностью светских утех. Он не знает всей правды «мощи» и истины силы богатства. Сын не знает, что самая главная жертва отца, принесенная им в этот подвал, — совесть — этическая категория, являющаяся показателем личности и духовной значимости человека.

БАРОН
<...>

Иль скажет сын,
Что сердце у меня обросло мохом,
Что я не знал желаний, что меня
И совесть никогда не грызла, совесть,
Незванный гость, докучный собеседник,
Займодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высылают?.. [1, с. 353]

Обратим внимание на то, сколь значимой является степень снижения характеристик героев. Займодавец и «докучный собеседник» барона — совесть, займодавец Альбера — «проклятый жид, почтенный Соломон», собеседники — «развратники разгульные» (вспомним, герцог все же поверил Альберу, назвав его благородным рыцарем, что должно само по себе свидетельствовать о его действительном, еще не растраченном благородстве и непотерянном рыцарском существе). Сколь различны исходные пункты этики движения, столь различны и семантические факты его завершения. «Высота» / «низменность» — функционально значимые уровни жизненно-нравственной разности героев. Барон «высок» в своем понимании «красоты» зла и порока, Альбер (по мнению Филиппа) «низок» в суеете и расточительности. Потому Альберу и не дано в полной мере понять, что значит для барона его подвал и золотые сундуки. Он видит и понимает лишь внешнюю сторону. Это очевидно. Сопоставим.

АЛЬБЕР

О! мой отец не слуг и не друзей
В них видит, а господ; и сам им служит.
И как же служит? как алжирский раб,
Как пес цепной [1, с. 347].

БАРОН
<...>

О, если б мог от взоров недостойных
Я скрыть подвал! о, если б из могилы
Прийти я мог, сторожевою тенью
Сидеть на сундуке и от живых
Сокровища мои хранить, как ныне!.. [1, с. 353].

Альбер не ошибается, называя отца рабом и сравнивая его с «цепным псом». По сути, именно так себя воспринимает и сам барон, проговариваясь «как ныне», определяя путь спасения сокровищ.

Но и барон в общем-то прав, предсказывая скорую растрату сокровищ. А что стало виной этому? Он сам. Его скупость. Его неумение быть отцом. И потому «первый дар отца» не столько нечто материально зримое из наследства, сколько в прямом смысле первый знак внимания.

Во дворце (третья сцена) конфликт трагедии обретает разрешение. Разрешение, предопределенное жизнью барона (той жизнью, о которой повествует он в своем монологе) и ее следствиями в судьбе его сына.

Вторая сцена является смысловозначительным структурно-эстетическим фактом в системе всей идейно-композиционной организации произведения. Здесь нет собственно действия в его прямом, «зримом» представленном понимании. Силой движения обладает слово, правом разрешения конфликта — Духовность как некая абсолютная субстанция Человеческого, явленного Высшей Волей. Бог и Дьявол оказываются «равнозначимыми», не противопоставленными друг другу, но сведенными в одну пространственную точку и объединенными в одной личности. Барон (по самоощущениям и самовидению) — это все, он и Демон, и Бог. Однако Господь понимается им как Царь земли, Царь всего земного, физического. Демон — как Царь всего чувственного, «высокого», великолепного («как некий демон» он может поработить и «вольный гений»). Такая инверсия бытийно-этических смыслов определяет судьбу героя, нравственные степени порочности его страсти и направляет векторы духовного краха.

Монолог Филиппа является композиционной линией, относительно которой первая и вторая сцены расположены симметрично в своем проблемно-нравственном и структурном решении. Лишь в соотношенном и «симметрическом» прочтении каждой сцены очевидным становится вся многоплановость и полисемичность смысловых подтекстов и идейно-содержательных знаков.

Трагедия открывается не констатацией утвержденной правды «Я», не экспозицией конфликта, но духовно-напряженным определением пред-момента его трагического разрешения (первая сцена). Фактический же финал этической катастрофы обозначен лишь «Альбер выходит» и «Он умер. Боже! // Ужасный век, ужасные сердца!», что не совпадает с формальным окончанием произведения, но ограничивает временные и сущностные пространства жизни одного героя и опровергает всякую мысль о духовном движении вверх другого.

Однако понимание знаковых событий, отмеченных первой и третьей сценами, возможно лишь при непосредственном их сопоставлении со второй сценой, где присутствуют и экспозиционные, и кульминационно предопределяющие факты.

Все, что находит выражение в композиционных элементах до и после монолога барона, исходит, «прорастает» из символически означенной личностным присутствием героя сцены «у золотых сундуков», но, точнее, в подвале.

Если в «Моцарте и Сальери» речевая монологическая ситуация прерывается фактическим присутствием «врага», что усиливает ее тяжестью нравственных ощущений, то в «Скупом рыцаре» автор не вводит пространственные границы сцены-монолога второго героя. На наш взгляд, это обусловлено не только стремлением «дать возможность» барону «высказаться», самому определить конфликт, но и логикой отношений отца и сына. Потому в последней сцене они не встречаются, а сталкиваются, в результате чего один умирает (что идейно заявлено предыдущими сценами: первая сцена означена духовной единицей — Альбер, вторая — Филипп), другой «выходит» окончательно духовно опустошенным.

Осмысленное прочтение речевых сегментов второй сцены-монолога в ее идейно-композиционной

симметрии с первой и третьей сценами позволяет «увидеть» всю трагедию в полном объеме ее этического «текста» и композиционной организации, осознать начала духовной драмы и источники нравственного конфликта. Смысловая сегментация монолога барона семантически выводит на уровни понимания и самой идеи произведения, и проблематики его содержания. Сопоставительный анализ трех сцен, на наш взгляд, расширяет смысловые границы пьесы от «слишком ясной» [2, с. 484] страсти скупости до глубинной сущности противоречивого соотношения божественного и демонического.

Библиографический список

1. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений. [Текст] В 10 т. Т. IV. / Александр Пушкин ; [примечания Д. Благого, С. Бонди]. — М. : Терра, 1997. — 528 с.

2. Белинский, В. Г. Сочинения Александра Пушкина [Текст] / В. Г. Белинский. — М. : Художественная литература, 1985. — 560 с.

АЛЕКСАНДРОВА Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, докторант кафедры русской и зарубежной литературы Омской гуманитарной академии, преподаватель-методист Омского учебного центра Федеральной противопожарной службы, подполковник внутренней службы.
Адрес для переписки: e-mail: 110-875@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.10.2011 г.

© Е. Г. Александрова

УДК 808.2

О. С. РОГАЛЕВА

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

ДИСКУРС АВТОМОБИЛЬНОГО ЖУРНАЛА: КОММУНИКАТИВНО- ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «ЗА РУЛЁМ»)

В статье рассматриваются вопросы организации автомобильного дискурса, а также его базовые (содержательные, коммуникативно-прагматические и стилистические) характеристики.

Ключевые слова: дискурс, дискурс СМИ, автомобильный дискурс, междискурсное взаимодействие, стилистические особенности.

Интенсивное развитие автомобилестроения и смежных отраслей привело к появлению многочисленных изданий соответствующей тематики — автомобильных газет и журналов, а также практических руководств, инструкций и даже книг. Этим обуславливается необходимость лингвистического осмысления текстов, принадлежащих к автомобилестроительной отрасли.

Современная лингвистика обращается к любому языковому материалу как части определенного дискурса. Если понимать под дискурсом совокупность текстов, объединенных по тем или иным признакам, то мы считаем возможным выделить по параметру «тема» автомобильный дискурс, к которому отнесем множество текстов различных функциональных стилей и жанров. Ядром автомобильного дискурса являются научные тексты (руководства по эксплуатации, техническому обслуживанию и ремонту автомобилей, издания по истории автомобилестроения и др.). На ближней периферии находятся медийные тексты, посвященные авто- и мототехнике и всему, что с ней связано — обслуживанию, ремонту и т. д., создаваемые журналистами и распространяемые посредством СМИ, на дальней — тексты,

производимые «рядовыми» людьми в различных ситуациях общения на соответствующие темы.

Несмотря на пристальное внимание исследователей к дискурсу СМИ (В. Г. Костомаров, Г. Я. Солганик, Л. П. Крысин, Н. И. Клушина, Л. Р. Дускаева, М. Н. Володина и др.), его характеристика пока остается неполной. Так, например, публицистические тексты, посвященные автомобилям, остаются без внимания лингвистов.

Материалом для настоящего исследования послужили публикации в журнале «За рулем» (за период 2007–2008 гг.) как наиболее ярко репрезентирующие современный автолюбительский дискурс и имеющие отличительные лингвистические особенности. «За рулем» — ежемесячное глянцевое издание, первый номер которого вышел в апреле 1928 г.

Рассмотрим коммуникативно-прагматические характеристики данного издания. Целевая аудитория журнала «За рулем», смоделированная нами, выглядит следующим образом — это автолюбители, преимущественно мужчины среднего возраста, уже владеющие или только собирающиеся приобрести автомобиль, а также все, кто интересуется автомобильной тематикой. Адресат журнала — человек,

которого необходимо ознакомить с разного рода информацией, имеющей отношение к автомобилям.

Специфика субъекта коммуникации состоит в том, что автор выступает в нескольких ролях — «продвинутый» автолюбитель и журналист. Особенность субъектно-адресатных отношений заключается в их иерархичности: очевидно превосходство субъекта коммуникации над адресатом с точки зрения уровня знаний. Это отношения специалиста и автолюбителя, потребителя. Отсюда — стиль общения автора и адресата — скорее нейтральный, и лишь местами — дружеский.

Коммуникация носит письменный дистантный характер. Содержанием коммуникации в анализируемых текстах является информация теоретического (научно-технического) и практического характера в области автомобилестроения, а также деловые новости из сферы автобизнеса.

Перечисленные экстралингвистические факторы выполняют интегрирующую функцию и определяют наличие следующих лингвистических признаков: совмещение информативной и воздействующей функций, ориентация на адресата, доступность (содержательная и языковая), широкое использование экспрессивно-оценочных средств. Эти признаки, вероятно, являются универсальными не только для всех монотематических периодических изданий, но и для текстов СМИ в целом.

Тексты, представленные в журнале «За рулем», относятся к семиотически осложненным, креолизованным текстам. Иконический компонент автомобильного журнального дискурса представлен цветными фотографиями (причем как людей, так и автомобилей), рисунками, схемами и таблицами. Заметим, что все эти изобразительные элементы зачастую включаются в текст одновременно. Фотографии можно считать факультативным компонентом. Схемы и таблицы — это семантически и графически автономные элементы, повышающие информативность текста и выполняющие познавательную функцию. Однако в отличие от научно-технических текстов (текстов с полной креолизацией), в медийном дискурсе они передают не основное содержание, а дополняют информацию, выраженную вербально — разного рода техническими сведениями (общие данные, размеры автомобиля и др.), к которым обращается не каждый читатель. Таким образом, медийные тексты автомобильной тематики являются частично креолизованными.

При изучении особенностей текстовой и речевой реализации различных дискурсов лингвисты зачастую сталкиваются с явлением полидискурсивности, то есть пересечения, наложения дискурсов [1]. Глянцевые автомобильные журналы — не исключение. Коммуникативное пространство таких изданий — это результат взаимодействия таких институциональных дискурсов, как научный, публицистический и рекламный. Автомобильный дискурс, репрезентированный в глянцевых журналах об автомобилях, совмещает особенности дискурсов, на базе которых он формируется. Автомобильный дискурс представлен в журналах в виде комплекса текстов, коммуникативной задачей которых является, с одной стороны, информирование и воздействие (публицистический дискурс), с другой стороны, популяризация научно-технического знания (научный и научно-популярный дискурсы), и, наконец, рекламирование (рекламный дискурс).

Лингвистическим механизмом междискурсного взаимодействия в данном случае является адаптация

технических «автомобильных» текстов к новой коммуникативной сфере (сфере СМИ) и новому адресату (автолюбителю, а не специалисту).

Коммуникативно-прагматические характеристики, а также совмещение черт, присущих различным видам дискурса, обуславливают стилистическую специфику медийных текстов автомобильной тематики.

Автомобильный дискурс, репрезентированный в глянцевых изданиях, характеризуется базовым признаком научного дискурса — наличием специальной лексики, включая собственно терминологию. Так, в лексике исследуемых текстов можно выделить постоянный корпус слов, относящихся к лексико-семантическому полю: «Устройство легкового автомобиля и его основные параметры»: *крутящий момент; аэродинамика автомобиля; климат-контроль; дифференциал; акселератор; консоль; трансмиссия; иммобилайзер; ABS; ESP* и др. Данные лексические единицы можно отнести к типовым, устойчивым стилистическим элементам автомобильного дискурса.

Заметим, что использование специальной лексики и терминологии ограничено, так как публикации предназначены для широкого круга читателей. Поэтому авторы используют средства популяризации, в числе которых стоит назвать а) вставные конструкции, выполняющие пояснительную функцию: **снижается рабочая температура цикла (следовательно, смесь не нужно дополнительно обогащать, чтобы охладить нейтрализаторы), а из-за уменьшения разрежения на впуске — еще и насосные потери;* б) смысловой повтор, предназначенный для уточнения, объяснения, напоминания, вводимый в текст при помощи разнообразных лексических, синтаксических и лексико-синтаксических средств: **динамометрическая (то есть без всяких уклонов) дорога...; *нешипованные шины — будем также называть их липучками...; *помимо традиционного ближнего и дальнего света, боковой подсветки и освещения поворотов, появился так называемый магистральный свет — еще более узкий и гальнобойный пучок для освещения дороги на большой скорости;* в) толкование терминов и расшифровка аббревиатур: **у «Пежо» до сих пор не было в модельном ряду ни компактного однообъемника, ни компактного SUV (автомобиль для активного отдыха); *есть такое техническое понятие — рекуперация, означающее возврат затраченной энергии для повторного использования.* За счет этого научно-техническая информация адаптируется для массового адресата.

Тезаурус автомобильного журнального дискурса включает также тематически обусловленную общелитературную лексику: *бензин, место водителя, салон, сиденья, колеса, дорога, скорость, шоссе, поворот, мотор, комплектации, панель приборов* и др.

Яркой стилистической особенностью исследуемых текстов является широкое употребление автомобильного сленга, а также разговорных вариантов терминов: *дворники (=стеклоочистители); баранка (руль); механика (механическая коробка передач); шиповки (=шипованные шины); галогенки (=галогеновые лампы).* Данные лексические единицы выполняют не только номинативную функцию, но и придают речи дополнительную экспрессивность и эмоциональность.

Вообще, стоит отметить обилие в исследуемых текстах лексических единиц и высказываний, относящихся к разговорным. Например: *топливная про-*

жорливость; автомобиль охромееет; грунтовка; с трудом втиснул ноги; тоже не ахти; вспомним горбатые седла «десятки» и др.

Специфика отбора и организации языковых средств в автомобильном дискурсе глянцевого журнала обусловлена по большей части принадлежностью исследуемых текстов к публицистическому, или медийному дискурсу. Как известно, ведущим признаком публицистического текста считается «чередование экспрессии и стандарта» [2]. Языковая специфика публикаций журнала «За рулем» также создается взаимодействием разнонаправленных тенденций к стандартности и к выразительности, связанных с синкретичной природой автомобильной публицистики.

Как показывает анализ материала, автомобильный журнальный дискурс получает языковое выражение посредством «функционально-типизированных» речевых единиц, которые в силу своей устойчивости, частотности и воспроизводимости превращаются в стереотипные формулы — маркеры дискурса. Необходимо заметить, что исследуемые тексты обладают широким спектром таких единиц. Частота их использования достаточно высока. Например, **конструкторам удалось/не удалось...; *конструкторы добавили...; *..мотор работает в тандеме с ... трансмиссией/коробкой передач; *к этому прилагается...; * в арсенале лишь...*

Средством синтаксической стандартизации в исследуемых текстах выступают описательные конструкции, построенные на основе перечисления: **жестковатое кресло с неплохими боковыми валиками, «трехмерный» пухлый руль, разнесенные на два яруса приборы, светящиеся, словно Земля в иллюминаторе, — увлечение японских дизайнеров аэрокосмической темой поначалу завораживает; *в салоне тоже нет откровений: спокойный дизайн, однотонный пластик, в меру разбавленный деревянными и металлическими вставками, кожаные кресла цвета молочного шоколада.*

Характерной особенностью синтаксиса публикаций журнала «За рулем» является использование связи, построенной на основе формально выраженных отношений противопоставления: **от разгонной динамики дух не захватывает, но запаса мощности хватает, чтобы не ощущать дискомфорта ни в городских пробках, ни на скоростной трассе.* Конструкции с союзом «но» в подобных случаях реализуют семантику замещения, компенсации одной характеристики другой. В основе этих противопоставлений лежит сравнение разных параметров/характеристик автомобилей.

Как видим, тексты статей журналов об автомобилях содержат большое количество речевых клише, помогающих облегчить восприятие информации. Авторы публикаций стараются излагать информацию и свою точку зрения доступным, привычным для автолюбителей языком.

Ориентация на адресата проявляется и в широком использовании обращений, в том числе и косвенных: ** Вы любите балет? Лично я не могу причислить себя к серьезным почитателям этого искусства; *Не ждите от 277-сильного двигателя прыти!; *Если вы поклонник стрит-рейсерского стиля и ревущих выпускных систем, «Клио» вас разочарует.*

Использование «мы-конструкций», актуализирующих общность коммуникативно-познавательных действий автора и читателя, достаточно ограничено, так как автор позиционирует себя как человека, знающего об автомобилях гораздо больше, чем

адресат, но готового поделиться своими знаниями с читателем.

Таким образом, в журнальном варианте автомобильного дискурса сохраняются общие особенности синтаксиса газетно-журнального стиля речи.

Исследуемые тексты обладают такими специфическими признаками публицистического дискурса, как оценочность, экспрессивность, авторская субъективность.

Организирующим началом большинства текстов автомобильной журналистики служит авторская точка зрения. Личностное отношение автора зачастую выражается в манере повествования от первого лица: **Высматривая в стройном ряду разномастных «Рено» спортивный «Клио-III», чуть не прошел мимо: с лица его нетрудно перепутать с более заурядным собратом. Обошел по кругу — уже веселее! *А я бы взял, наверное, «семерку»: она все же пусть чуть, пусть всего на полшага, но ближе к современным стандартам.* Находящиеся в фокусе нашего внимания тексты строятся в соответствии с закономерностями чувственного восприятия: **Азартно, комфортно и в то же время по-спортивному жестко, но, главное, очень противоречиво применительно к этим условиям движения — вот первые впечатления от машины.*

Нетрудно заметить, что, кроме личностного отношения автора, в приведенных примерах прослеживается оценочность. Такой способ подачи материала, как известно, является характерным для публицистических жанров аналитического типа, где говорящий высказывает свою точку зрения, помогая тем самым читателю сформировать свою.

Одним из самых распространенных способов создания экспрессии в современных СМИ, отчетливо репрезентированных в текстах автомобильной тематики, является использование интертекстуальных ссылок при построении заголовков. Выбрав принцип систематизации заголовков источник протекста, мы получили следующие группы.

1. Заголовки, содержащие цитаты из художественных произведений: **Путешествие из Петербурга в Тахо-сити; *Машины нашего времени; *Конь в сапогах; *Нам не страшен голый лед; *Чтобы не погасло; *А у нас в машине газ...; * Зов предков; * Да здравствует мыло душистое!; *Укрощение универсала; *А судьба кто?; *К кубу передом; *Снежная королева; *Кто для «Спектры» всех милее?; *Кто в вэне хозяин?; *Рога и копыта.* Как видим, в качестве первичных текстов журналисты используют как названия произведений, так и фразы из них.

2. Заголовки, представляющие собой трансформацию устойчивых выражений (паремий, фразеологизмов, лозунгов): **Как из рога изобилия; *Как на пожар; *На сервис надейся...; *Результат на лице; *Литр с кепкой; *Время — деньги; *Светлый путь; *Наполеоновские планы; *Вернемся к баранам; *Стартеры — детям!; *Верь глазам своим; *Кузов раздора; *Не знаком единым; *Подушка — друг человека; *Не ближний свет; *Хорошо добытое старое; *Держи ноги в тепле; Тяжело в учение; *С миру по гонке.*

3. Заголовки, отсылающие к названиям кинофильмов и телевизионных программ: **Что? Где? Когда?; *Ночной позор; *В гостях у сказки; *Утомленные скандалами; *Под белым солнцем пустыни; *О малом моторе.*

4. Заголовки с использованием цитат из песен: **Плесните колдовства!; *Из чего же, из чего же...; *Губит людей вода; *Губит мотор вода.*

5. Заголовки, представляющие собой стандартизированные обороты из научных и деловых текстов,

а также речевые клише и штампы из текстов современных СМИ: **Приоритетное направление; *Повод задуматься; *Товар особого назначения; *Срок годности; *Отпускается без рецепта.*

Заметим, что публикации журнала «За рулем» обнаруживают также черты рекламного дискурса, поскольку большинство материалов не только прямо информирует адресата (потенциального покупателя) об автомобилях, аксессуарах, дополнительных опциях, но и эмоционально воздействует на него.

На основании проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Медийные тексты автомобильной тематики составляют единое коммуникативное поле, входящее в пространство дискурса СМИ «на правах» тематической дискурсивной разновидности.

2. Совмещая черты рекламы, публицистики и научно-технической статьи, медийные тексты автомобильной тематики являются особым синкретичным дискурсивным образованием, функционирующим в рамках дискурса СМИ.

3. Находясь в пространстве медийного дискурса, данные тексты не являются изолированными: они вступают в разнородные взаимодействия, включая, тематическое, жанровое, содержательное и стилистическое соприкосновение с научно-техническим, медийным и рекламным дискурсами.

4. Такая синкретичность исследуемой дискурсивной разновидности обуславливает наличие следую-

щих лингвостилистических особенностей: совмещение информативной и воздействующей функций, ориентация на адресата, доступность (содержательная и языковая), широкое использование экспрессивно-оценочных средств. Эти признаки, вероятно, являются универсальными для текстов СМИ в целом.

5. Выразительность и образность медийных текстов автомобильной тематики создается в основном при помощи разговорных и оценочных слов, интертекстуальности заголовков и метафор.

Библиографический список

1. Костяшина, Е. А. Дискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Костяшина. — Томск, 2009. — 24 с.

2. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной публицистики / В. Г. Костомаров. — М. : Изд-во МГУ, 1971. — 266 с.

РОГАЛЕВА Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и языка массовых коммуникаций.

Адрес для переписки: email: andre_rog@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.02.2011 г.

© О. С. Рогалева

УДК 82:070

А. В. ЖИЛИНА

Омский государственный педагогический университет

СВОЕОБРАЗИЕ ТЕАТРАЛЬНЫХ ЖУРНАЛОВ 1880—1890-х гг. (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛА «АРТИСТ»)

В статье уточняется типология периодических изданий последней трети девятнадцатого века. На примере театрального журнала «Артист» показана постепенная трансформация журнала специализированного типа. Новизна работы определяется недостаточной изученностью литературно-критических отделов журнала и необходимостью осмыслить связи специализированного периодического издания с литературным процессом.

Ключевые слова: театральный журнал «Артист», литературный процесс, конец XIX века.

Отечественная театральная журналистика конца девятнадцатого века точно отражает общий характер литературной эпохи 1880—1890-х годов, которую называют промежуточной, переходной. Общеизвестно, что в это время завершается цикл культурно-художественного развития, который можно обозначить как классический. Приближается период, когда неклассические художественные системы вступят в полемику с классическими, господствовавшими в предшествующую культурную эру [1]. За десятилетие до «рубежа веков» под влиянием художественных направлений, имевших место в западноевропейской литературе (французский символизм, новая

драма и др.), в России начинается пересмотр эстетической доктрины реализма, готовится почва для появления модернизма с его устремленностью к поискам новых эстетических идей и художественных форм. «...Это время слома культурной традиции, острой борьбы между разнонаправленными художественными тенденциями» [2]. Вместе с тем приближается эпоха, отличительной чертой которой становится стремление к универсальному синтезу, снятию границ между жизнью и искусством, к взаимодействию различных искусств. Поэтому общей тенденцией развития русского искусства в последние два десятилетия уходящего века становится некото-

рая разнонаправленность. С одной стороны, идет интенсивное освоение европейского опыта, переработка разнообразных влияний и наблюдается борьба противоположных тенденций. С другой — все усилия направлены к поискам синтеза, все мечтают заглянуть в будущее и угадать, каким будет новое искусство. Подспудно протекающий культуротворческий процесс придает особый драматизм и внутреннее напряжение эпохе «сумерек», когда многое готовится, а кое-что уже начинает выходить на поверхность. Эта общая тенденция не могла не проявиться и в характере журнальных изданий. Журнал в это время — едва ли не самый важный участник литературного движения. Доминирующий тип периодического издания — так называемый «энциклопедический журнал», «журнал обычного русского типа». Это толстый литературно-художественный ежемесячник, который знакомит читателя со всем новым, что появляется в беллетристике, не только русской, но и зарубежной. Материалы такого издания представляют первые имена современной литературы (не оставляя, однако, без внимания и литературный фон, беллетристику второго плана). Серьезные литературно-критические отделы журнала показывают весь спектр современных эстетических исканий. В сущности, толстый журнал претендует на освещение всей панорамы культурной, научной, литературно-художественной жизни, и его универсализм начинает влиять на специализированные издания, в том числе и на театральные журналы, среди которых наиболее авторитетным в 80-е — 90-е годы девятнадцатого века является журнал «Артист».

Отличительные особенности каждого типа журнала характеризуются, прежде всего, программой издания, читательской аудиторией и авторским составом, жанрами публикаций. Первоначально журнал «Артист» относили к специальным периодическим изданиям. Выпуски его были приурочены к театральным сезонам. «Артист» адресовался театральному сообществу, был призван вести хронику театральных событий. Часто исследователи указывают на неясность целей «Артиста» [3, с. 302]. В статье С. А. Юрьева «О целях и задачах нашего журнала», открывавшей первый номер «Артиста» и выполнявшей функцию предисловия, подробно говорится о цели издания. И в первую очередь мы узнаем, что «Артист» не является по своей сути журналом-манифестом. «Читателю, получившему первый номер журнала, посвященного театру, представляется вопрос: с какою целью он издается? <...> Или он намерен, в отличие от многих, проводить какую-нибудь особую доктрину в деле сценического искусства с целью поучать? Избави нас Боже от такого намерения, всегда опирающегося на замкнутое в себе и собою довольное самомнение, которое до известной степени ручается за ограниченность понимания дела. Скажем более. Если бы мы даже обладали величайшею опытностью в деле сценического искусства, глубочайшим и тончайшим пониманием его, то и тогда бы мы не взяли на себя подобной задачи. Во-первых, потому, что всякая особая доктрина <...>, остановившаяся на известной стадии и моменте развития живого дела, способна только задерживать, а иногда и убивать силы роста. Во-вторых, самое стремление докторально поучать противоречит сущности живой сцены, собирающей зрителей в театр»¹ [4, с. 1]. С. А. Юрьев, приглашая авторов к сотрудничеству, ставит определенные условия: «Мы приглашаем к общей работе, совместно с нами, всех, кому дорог русский театр, и ставим им следующие условия:

первое — чтобы мысли и замечания сообщаемых нам статей не противоречили принципам и законам художественным вообще и сценического искусства в частности; второе — чтобы при оценке художественных явлений руководило примирение направлений, господствующих в художественном мире» (редактор поясняет, что речь идет о «реальном» и «идеальном» направлении, подразумевая натурализм и символизм, утверждающиеся в современной литературе) [4, с. 1].

В этих программных высказываниях отражены коллизии литературно-театрального развития, борьба различных художественных тенденций, проявляющихся в поэтике современной драматургии и определяющих характер театрального репертуара. Это борьба между натурализмом и некоторыми, уже проявляющимися принципами символизма (заявившими о себе в поэтике европейской «новой драмы» — пьесах Ибсена, Метерлинка, Стриндберга). Интересно, что журнал сознательно отстаивает свою позицию «примирения» противоборствующих тенденций; издание претендует не на роль журнала-манифеста, представляющего определенную эстетическую позицию, а на роль журнала-панорамы, журнала-энциклопедии. Редакция хочет внедрить в журналистику дух универсализма и синтеза.

Идеи статьи С. А. Юрьева подхватывает и развивает сотрудник журнала В. А. Гольцев: «В театре сходятся все искусства, играя второстепенные, однако необходимые для торжества драматического произведения роли. Но было бы непростительной односторонностью с этой точки зрения не рассматривать все остальные искусства в журнале, который, будучи посвящен главным образом театру, должен служить искусству вообще. Наш журнал приветливо встретит каждую серьезную попытку в области теоретической разработки художественных вопросов, каждую заметку, в которой будет заключаться наблюдение практика, искренне преданного искусству. Служить эстетическим и нравственным интересам русского общества — вот великая задача, которая может быть достигнута совокупными усилиями всех людей, преданных искусству, науке и философской мысли» [4, с. 5].

По справедливому замечанию исследователя, при определении типа издания «следует учитывать, что намерения редакции иногда меняются, перед изданием может быть поставлена иная цель или расширена аудитория, или изменена периодичность, т. е. типологические характеристики — величина непостоянная, тип одного и того же журнала или газеты бывает разным в определенных периоды истории» [5, с. 56]. Именно так случилось с «Артистом». Редакция журнала сочла необходимым конкретизировать направленность журнала и расширить его сферу: он превратился в издание театральное, музыкальное, художественное. И в 1894 году название журнала «Артист» получило расшифровку: «Журнал изящных искусств и литературы». В журнале-преемнике, пришедшем на смену «Артисту», — «Театр и искусство» — было верно подмечено, что успех пришел к «Артисту» тогда, когда Куманин перестал ориентироваться на людей узкого кружка, а стал преследовать задачи искусства, широко и свободно понятого. «В последнее время Куманин старался даже особенно раздвинуть свои рамки и очень приблизился к нашему общественно-либеральному журналу общего типа» [6, с. 24].

В неожиданном ракурсе освещает трансформацию типа «Артиста» Д. Г. Королев. По его мнению,

первоначально специализированное издание постепенно приобретает черты салонного альманаха: «Сам же "Артист" начал движение в сторону салонного альманаха. Журнал получил разрешение на расширение тематики беллетристических публикаций, поскольку "малознакомые с артистическим миром писатели стали повторяться в сюжетах". В сентябре 1891 г. решено было печатать 100 номерованных экземпляров на велевовой бумаге; еще более расширился изобразительный материал, частично высланный из-за границы Н. В. Новиковым, частично заказываемый в Петербурге» [7, с. 145].

На наш взгляд, изменение внешнего плана, полиграфии журнала, улучшение качества бумаги, увеличение количества изобразительных компонентов определенной стилистики (действительно, несколько салонной) не дает оснований для столь категоричных выводов о типе издания. Повышение оформительского уровня и насыщение изобразительностью — черта изданий предмодернистской и модернистской эпохи. Особенно ярко эта черта проявляется в символистских журналах-манифестах («Весы», «Золотое руно» и др.), в эпохальном издании — «Мир искусства». Вообще, некая типологическая симбиозность характерна для многих изданий рубежа XIX — XX веков; в ней отражается особенность культурной ситуации эпохи: распространение образования и приобщенность к литературно-театрально-художественной сфере широких слоев общества. Кроме такого, в это время всякий журнал в какой-то степени стремится стать «журналом для семейного чтения», изданием, которое привлечет внимание не только столичного жителя, но и провинциала. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в литературно-художественных еженедельниках («Нива» и др.) и научно-популярных просветительских изданиях. Не избежали ее и некоторые энциклопедические и специализированные журналы. Эта тенденция проявляется и в направлении журнала «Артист».

С. Я. Махонина справедливо отмечает, что более точно определить характер журнала можно, изучив его структуру, то есть «соотношение отделов, роль беллетристики, политических известий и энциклопедических публикаций в составе номера» [5, с. 125]. Структуру журнала «Артист» в своих исследованиях описывали Л. И. Иокар, В. В. Борзенко, М. Кожина и др. Все эти работы сводятся к освещению фактического материала: атрибуции отдельных публикаций, характеристике основных идей, пропагандируемых авторами. Однако ни один исследователь не проследивает подробно структурные изменения в журнале.

Журнал имел постоянные отделы: литературно-критический, театральный, музыкальный, художественный, современное обозрение, хроника, реклама. Эти отделы не всегда располагались упорядоченно и графически не выделялись, но очевидно их выделение в содержательной структуре издания. Театральный отдел возглавлял критик И. И. Иванов. В этом отделе помещались материалы по разным темам. Печатались статьи о знаменитых русских и зарубежных артистах. Журнал регулярно откликался на спектакли столичных театров, причем основное внимание уделялось анализу пьес. Помимо этого, в издании помещались работы по специфике сцены: режиссуре, технике грима, оформлению спектаклей.

Художественный и музыкальный отделы журнала были ориентированы на демократические традиции искусства. Основными критиками музыкального

отдела были Н. Д. Кашкин и С. Н. Крутиков, они исследовали своеобразие жанров русской музыки: оперы, симфонии, романса.

В художественном отделе ведущим критиком был С. Глаголь (Голоушев), а с 1893 года отдел возглавил пейзажист-передвижник А. Киселев. Издатели сумели привлечь к сотрудничеству многих выдающихся деятелей культуры: В. Немировича-Данченко, А. Чехова, А. Сумбатова-Южина, Ц. Кюи, А. Лядова и др. Журнал публиковал научные статьи историков литературы Н. Тихонравова, А. Веселовского, Н. Стороженко.

Исследователями практически не рассматривались отделы «Современное обозрение» и «Хроника», несмотря на то, что именно эти отделы занимали всю вторую часть журнала. В «Современном обозрении» публиковалась информация о деятельности как столичных, так и крупных провинциальных театров. Основными жанрами здесь были рецензия и обозрение: корреспонденты «Артиста» выступали с оценкой драматических, оперных, балетных постановок, симфонических концертов, художественных выставок и пр. Как правило, первыми в отделе публиковались московские новости, здесь всегда можно было найти свежие рецензии на постановки в Малом театре, Большом театре, театре г. Корша, театре г-жи Горевой, театре «Скоморох», театре «Парадиз». Затем следовали новости из Санкт-Петербурга. В конце отдела помещалось обозрение провинциальных театров. В частности, интерес представляет Обозрение провинциальных театров А. Ярцева, помещенное в тридцать пятом номере «Артиста». Оно носит аналитический характер и содержит размышления о современном состоянии провинциального театра, о факторах, определяющих это состояние. «Наш провинциальный театр и во внутреннем, и во внешнем своем развитии далеко ушел вперед за сто лет своего существования. А его современные недостатки слишком тесно связаны с условиями современной общественной жизни и представляют собою не что иное, как своего рода знамение времени» [8, с. 231]. Далее в журнале помещалась «Хроника», состоящая из небольших заметок. В качестве заголовков выступали названия городов, где состоялась премьера, концерт или бенефис. Часто указывались доходы артистов, информация о наборе новых трупп или пути следования антрепренеров и т.д.

По нашему мнению, структурные изменения в «Артисте» идут по пути усложнения, разветвления, специализации отделов. Так, в первом номере «Артиста» в оглавлении мы видим только отдел «Хроника», а в предпоследнем, сорок пятом номере, этот отдел представлен в трех самостоятельных разделах: «Театральная хроника», «Музыкальная хроника» и «Художественная хроника». Кроме того, в тридцать седьмом номере «Артиста» в оглавлении есть пункты «Художественное обозрение» и «Художественные новости».

В отделе «Художественные новости» подряд помещались разнородные сообщения без какой-либо организационной структуры. Так, в тридцать втором номере журнала мы читаем объявление: «При бесплатной воскресной школе рисования в Воронеже открываются скульптурные классы. Помещение для этих классов, а также материал для ученических работ, предложил бесплатно один из местных кафеельщиков — г. Иванов» [9, с. 213]. А уже следующее сообщение: «В Бельгийский королевский музей поступили следующие завещанные ему еще семь лет тому назад картины Давида: "Марат, умирающий

в ванной”, “Марс, обезоруженный Венерой” и портрет самого Давида» — носит не прагматический, а просветительский характер [9, с. 213]. Оно отражает стремление редакции приобщить читателя к событиям и процессам, происходящим в культурной жизни Европы. Таким образом, можно сделать вывод: структура журнала не была строго фиксированной, она часто зависела от наличия или отсутствия определенной информации. Материалы публикаций становятся все более разнообразными. Новостная информация не выходила за пределы сферы искусства, но касалась разных его видов: театра, изобразительного искусства, событий музыкальной жизни России и Европы.

Был в «Артисте» и рекламный отдел. До сих пор этот журнальный отдел не привлекал внимания исследователей. Самым популярным рекламным жанром в «Артисте» является сообщение о подписке на периодическое издание. При этом наблюдается переход от саморекламы издания (объявлений о подписке на журнал «Артист») к сообщениям о подписке на другие издания, например, на популярный и авторитетный журнал «Русская мысль». Данный журнал регулярно помещал свои рекламные сообщения о начале подписки в журнале «Артист», что свидетельствует о популярности «Артиста» среди большого числа образованных людей. Кроме сообщений о подписке, значительное место в журнале занимала реклама книжных новинок.

Специалисты по истории рекламы отмечают, что журнальная реклама к началу XX века теряет свои традиционные отличительные черты (серьезный тон, корректность и правила хорошего тона), приближается по тематике и оформлению к стилю массовых газет. Так, в «Артисте» вслед за рекламой книжно-журнальной продукции появляется реклама вин, парфюмерии и прочих товаров массового потребления.

В «Артисте», как журнале театральном, можно найти не только рекламу, рассчитанную на широкую аудиторию, но и сообщения о специализированных товарах и услугах. Одним из первых объявлений подобного рода является рекламное сообщение о сдаче в аренду театра: «Каменец-Подольская городская управа объявляет, что зимний театр в городе Каменец-Подольском сдается на сезон 1890—1891 года бесплатно, с правительственной субсидией в 3000 рублей. Об условиях сдачи обращаться в Городскую Управу»² [10]. Новым содержательным ответвлением в рекламе журнала являются объявления артистов, ищущих ангажемента: «Простак и водевильный артист К. С. Леонтьев свободен на предстоящий летний и зимние сезоны. Адрес: Харьков, Садовая, д. Решетовой, № 4, кв. № 5» [11].

Несмотря на общую тенденцию коммерциализации, среди рекламных объявлений в журнале нередко встречается социальная реклама (объявления различных благотворительных обществ и сообщения о благотворительных акциях). Изучив рекламу в журнале «Артист» можно сделать следующее заключение:

1. Редакция журнала осознавала роль рекламы в коммерческом успехе предприятия и выделяла для рекламных сообщений значительные печатные площади. «Артист» как одно из ведущих изданий своего времени занимался и саморекламой. Этот факт отвечает коммерческим интересам издателей и в то же время свидетельствует о том, что реклама заняла прочное место в структуре специализированного издания.

2. Рекламные сообщения, помещенные в журнале, имеют специфическую целевую аудиторию. Читате-

лем журнала мог быть специалист в какой-либо области и в то же время самый обыкновенный «средний интеллигент», человек из широкой публики. Поэтому и реклама имеет, с одной стороны, специализированный характер (аренда театров, объявление артистов, ищущих ангажемента), а с другой — предназначена широкой образованной публике (подписка на журналы, реклама книжных новинок, парфюмерии, вин).

3. Виды рекламных объявлений в журнале свидетельствуют о том, что «Артист» является изданием «переходной» эпохи. Реклама в журнале отражает общую для конца века тенденцию «переходности»: стирается грань между стилистикой рекламных сообщений для газет и рекламных сообщений для журналов, текст объявления принимает универсальную форму, одно и то же сообщение может быть опубликовано как в журнале, так и в газете.

Изучив в совокупности структуру издания, можно сделать следующий вывод: в динамике структуры «Артиста» проявляется стремление издателя сделать журнал интересным для большого круга читателей. Появление на поздних этапах существования журнала в структуре издания отделов «Музыкальная хроника», «Театральная хроника», «Художественная хроника» отражает процесс перехода «Артиста» от типа специализированного театрального журнала к литературно-художественному журналу общего типа. По типу издания «Артист» тяготеет к универсальности, приближается по структуре к типу энциклопедического издания (отсутствует общественно-политическая составляющая). Об этом свидетельствуют все увеличивающиеся объемы публикаций не только современной драматургии, но и поэзии, прозы, литературно-художественной, а не только театральной критики.

Обобщая все сказанное, отметим, что среди журнальных изданий конца XIX века «Артист» занимает особое место. Его можно расположить в ряду классических русских «толстых» журналов и рядом с группой специализированных журналов. Проявляются в нем и черты журнала-манифеста, сосредоточившегося не общих вопросах развития искусства, на эстетической проблематике. Однако, несмотря на то, что преимущественно материалы «Артиста» посвящены литературным и эстетическим проблемам, журнал нельзя отнести к типу журналов-манифестов в чистом виде. Сохраняя в себе многие признаки структуры энциклопедического журнала (беллетристический отдел, научные статьи, критику, библиографию, современное обозрение), «Артист» пошел по пути трансформации от специализированного театрального журнала к журналу синкретического типа, в котором соединились признаки отраслевого издания (театрального) и энциклопедического журнала. Проявились в нем и некоторые особенности, присущие журналам-манифестам, периодическим изданиям, которые должны были утвердиться в недалеком будущем. Эклектичность направленности, материала и структуры издания свидетельствовала не столько о его второстепенности, сколько представляла переходный характер эпохи и разнонаправленность ее эстетических изданий.

Примечания

¹ Фрагменты текстов, опубликованные в журнале «Артист», приводятся с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации.

² Данный отдел журнала не нумеровался.

Библиографический список

1. Лейдерман, Н. А. Магистральный сюжет [Текст]: XX век как литературный мегацикл / Н. А. Лейдерман // Урал. — 2005. — № 3. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ural/2005/3/lei18.html> (дата обращения: 03.02.2011).
2. Лейдерман, Н. А. Периодизация русской литературы XX века и текущий литературный процесс [Текст] / Н. А. Лейдерман // Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Пермь, 2005. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://oldwww.pspu.ru/sci_liter2005_leiderman.shtml (дата обращения: 03.02.2011).
3. Литературный процесс и русская журналистика к. XIX — нач. XX в. (1890 — 1904) [Текст]. — М. : Наука, 1982. — 372 с.
4. «Артист». — 1889. — Кн. 1.
5. Махонина, С. Я. История русской журналистики начала XX века [Текст] : учеб. пособие / С. Я. Махонина. — 3-е изд. — М. : Флинта ; Наука, 2004. — С. 240.

6. Измайлов, А. (Смоленский) К истории театрального журнала в России [Текст] / А. Измайлов (Смоленский) // Театр и искусство. — 1906. — № 52. — С. 24.
7. Королев, Д. Г. Очерки из истории издания и распространения театральной книги в России XIX — нач. XX вв. [Текст] / Д. Г. Королев. — СПб. : Изд-во Рос. нац. б-ки, 1999. — С. 328.
8. «Артист». — 1894. — № 35.
9. «Артист». — 1893. — № 32.
10. «Артист». — 1890. — Кн. 7.
11. «Артист». — 1890. — Кн. 5.

ЖИЛИНА Анастасия Владимировна, аспирантка кафедры литературы.
Адрес для переписки: e-mail: splinter-85@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.09.2011 г.

© А. В. Жилина

УДК 364.054:81

А. В. КАРПУНИНА

Омский государственный
технический университет

ТЕРМИН «FUNDRAISING» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЗАИМСТВОВАНИЕ, ПРОИЗНОШЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ

В статье описана история и причины заимствования термина «fundraising», обоснована правильность произношения термина «fundraising» в русском языке. Приведены основные подходы к определению фандрайзинга, на основе которых дано новое научное определение этого термина.

Ключевые слова: фандрайзинг, заимствование иностранных слов, поиск и привлечение ресурсов.

Неотъемлемым компонентом деятельности некоммерческих организаций и социальных учреждений является привлечение дополнительных ресурсов. А так как каждое такое учреждение или организация занимается поиском и привлечением средств уже 10–15, а некоторые и 20 лет, то эта деятельность имеет значительный масштаб. В то же время в России существует путаница как в определении самого процесса, так и вообще в произношении термина «fundraising», которым принято обозначать поиск и привлечение средств на практике. Так, например, в одной и той же статье о привлечении ресурсов могут одновременно употребляться варианты «фандрайзинг», «фандрейзинг» и «фандрэйзинг» [1]. Хотя фонетическая и графическая инвариантность терминов является одним из важнейших требований, предъявляемых к ним, т. к. вариативность приводит к колебаниям в написании и произношении термина, затрудняя общение специалистов [2, с. 33–34]. Отсутствие единого написания, произношения и тем более единого определения привлечения ресурсов является одной из ключевых проблем не только исследования этой деятельности, но и практической ее организации.

Понятие «fundraising» родом из США, где поиск дополнительных источников финансирования уже более 50 лет является важнейшим направлением деятельности некоммерческих и социальных организаций, что связано с низкой долей государственного участия в их финансировании. Поэтому фандрайзинг в США уже с 60-х годов XX века является отдельным видом профессиональной управленческой деятельности [3, с. 160].

На территории бывших социалистических государств до конца 1980-х годов не только «fundraising», но и сама технология поиска средств не были известны, т. к. сферы культуры, образования, здравоохранения и т. д. полностью финансировались государством. Реформы конца 80-х годов дали возможность соответствующим учреждениям привлекать дополнительные источники финансирования. Последующее снижение уровня государственных и бюджетных поступлений на фоне укрепления российского бизнеса привело к тому, что поиск и привлечение дополнительных средств стали одной из важнейших технологий деятельности [4].

Первое употребление термина «fundraising» в российских печатных изданиях связано с именем

Анатолия Иксанова, генерального директора Государственного Академического Большого театра России [5]. А. Иксанов уже в конце 80-х годов на практике столкнулся с проблемой недофинансирования учреждений культуры, что обусловило потребность в новом термине, обозначающем их деятельность по поиску средств. Во время стажировки в 1991 году в Милуокском репертуарном театре и Йельском университете (США) Иксанов узнает о том, что подобная деятельность здесь называется «fundraising». Вернувшись в Россию, Иксанов начинает масштабную деятельность по внедрению новых способов управления театром и вводит термин «fundraising» в практику учреждений культуры [6].

Следовательно, в начале 90-х годов XX века произошло заимствование термина «fundraising» из английского языка [7, с. 66]. Заимствованные слова — это лексика, которую осваивает носитель одного языка, беря ее из другого, так называемого языка-источника. Терминологическое заимствование является основным способом формирования специальной лексики новых научных дисциплин [2, с. 6]. Сам термин «заимствование» носит метафорический характер, поскольку в действительности слово как не покидает родной язык, так и не возвращается в него обратно, поэтому языковое заимствование представляет собой в большей степени присвоение или имитацию, когда в воспринимающем языке создается копия или схожая семантическая единица [8, с. 115]. Заимствования чаще всего рассматриваются как разновидность семантического терминологического образования, сопровождаемого терминологизацией и расширением значения [2, с. 124].

История дальнейшего распространения термина «fundraising» связана с бурным ростом числа общественных некоммерческих объединений в России, успех деятельности которых напрямую зависел от объема привлекаемых ими ресурсов. Так как представители НКО не знали, как обозначить этот процесс, а специальной российской литературы в то время еще не существовало, то они были вынуждены использовать иностранное слово «fundraising», которое употреблялось в англоязычных источниках. Но среди представителей общественных организаций этот термин стал произноситься как «фандрайзинг», т.е. первая часть слова — соответственно английскому произношению, а вторая — соответственно написанию.

В английском языке произношение слова может сильно отличаться от его написания. Поэтому в русском языке выделяют два способа заимствования англоязычных слов: фонетическое (устное, «слепое») и графическое (письменное, «глухое») [9, с. 86]. В первом случае в язык вводится слышимый вариант иностранного слова без учета его написания латиницей (например: кейс, футбол), а во втором — читаемый вариант без учета особенностей английского произношения (форвард, креатив, брокер). Оба варианта используются в заимствованиях, но первый считается более предпочтительным.

Таким образом, термин «fundraising» в русском языке согласно фонетическому варианту [ˈfʌndˈreɪzɪŋ] должен звучать как «фандре́йзинг» (в *ing*-овых окончаниях при заимствованиях сохраняется звук «г»), а согласно графическому — «фундрайзинг». Используемая в нашей стране транскрипция «фандрайзинг» вообще не соответствует ни одному из вариантов. Так как фонетическое заимствование более правильное с точки зрения науки, то «fundraising» по-русски должен произноситься как «фандрейзинг».

Используемые в русском языке английские слова называют англицизмами или англо-американизмами, если они заимствованы из американского варианта английского языка (например, фандрейзинг). Обилие англо-американизмов исследователи называют самой яркой чертой русского языкового развития [10, с. 130]. Пик заимствований англицизмов в России приходится как раз на 90-е годы, когда употребление иностранных слов в речи было особо модным, значимым, указывающим на высокий уровень информированности говорящего, подчеркивающим его превосходство и эрудицию [11, с. 41–42].

Среди причин заимствования выделяют две основные группы: экстралингвистические (внеязыковые) и собственно лингвистические причины. К первой группе относятся культурное влияние одного языка на другой, контакты носителей разных языков, авторитетность языка-источника и т.д. [2, с. 153]. К лингвистическим причинам заимствования англо-американизма «fundraising» относятся [12, с. 58]:

— необходимость наименования новой сферы деятельности НКО;

— необходимость краткого обозначения однолексемным термином процесса поиска и привлечения средств;

— необходимость называния одним словом человека, который занимается поиском и привлечением средств, работой с благотворителями и спонсорами, реализацией средств и отчетностью перед донором (фандрейзер);

— мода на употребление иностранных слов в России в 90-х годах XX века.

Все эти факторы в комплексе оказали влияние на заимствование англо-американизма «fundraising», хотя необходимость наименования новой сферы деятельности НКО являлась первичной и наиболее значимой.

Согласно типологии терминов, «фандрейзинг» является неологизмом, отраслевым, эмпирическим, сложным однословным термином-словосочетанием [2, с. 62–63, 121]. Кроме того, «фандрейзинг» является материальным лексическим заимствованием, при котором заимствуется материальная форма слова с его содержимым (fundraising: фандрейзинг — сбор средств) [2, с. 154].

Заимствования, с одной стороны, обогащают родной язык, расширяют его лексические возможности, а с другой — под феноменом неполной билингвальности (употребление иностранных слов и выражений без полного знания этого иностранного языка) часто маскируется отсутствие самостоятельного мышления, восприятия информации извне без критической оценки, пустота речи [13, с. 12].

Английское слово «fundraising» состоит из трех частей: fund — *сущ.* фонд, капитал, резерв, денежные средства; rais(e) — *глг.* поднимать, воздвигать, выращивать; ing — окончание, указывающее на действие, процесс. В буквальном переводе с английского языка термин «фандрейзинг» означает «подъем, увеличение капитала, денежных средств». В целом термин «fundraising» переводится как «сбор средств, мобилизация капитала, поиск финансирования, фандрайзинг», под которым понимается сбор денежных средств для благотворительных, политических и иных организаций, а также для осуществления конкретного общественного или частного проекта [14, с. 240].

Таким образом, после заимствования термин подвергся процессу фонетической и графической асси-

миляции [2, с. 156], в результате которой стал производиться как «фандрайзинг». В государственные социальные учреждения, которые также столкнулись с необходимостью поиска средств, этот термин в конце 90-х годов уже пришел как «фандрайзинг». С этого времени такой вариант произношения получает широкое распространение в социальных учреждениях, а затем и в сети Интернет: создаются печатные издания о фандрайзинге, информационный портал Фандрайзинг.ру, официальный документ «Этический кодекс фандрайзера» и т. д.

С начала 10-х годов XXI века появляются первые научные исследования в этой области, и среди большинства исследователей термин звучал как «фандрейзинг». Но среди представителей социальных учреждений и НКО вплоть до настоящего времени «fundraising» произносится как «фандрайзинг». А так как лиц, осуществляющих практическую деятельность по привлечению ресурсов, гораздо больше исследующих ее, то можно говорить о массовости некорректного произношения заимствованного термина.

Авторы учебно-методического комплекса по дисциплине «Технологии современного фандрейзинга в социальной сфере» под руководством профессора Г. Л. Тульчинского (РГПУ им. А. И. Герцена), объясняют это тем, что заимствуется не «fundraising», а «fundrising», где вторая часть слова образована от глагола rise — повышать, подниматься, увеличиваться [15, с. 32–33]. В буквальном переводе «fundrising» означает рост средств, фондов и не отражает всю специфику деятельности по привлечению средств. Фандрейзинг же предполагает, что эти средства растут не сами по себе (не «rise»), а благодаря усилиям специалистов, которые делают все, чтобы их увеличить («raise») [7, с. 65]. Также стоит отметить и тот факт, что даже при произношении «фандрайзинг» заимствуемый английский вариант пишется как fundraising. Т. е. речь все же идет о неверном произношении термина, а не о заимствовании другого.

Термин фандрейзинг в русском языке, проходя процесс лексической ассимиляции, находится на этапе вхождения в национальную терминологию — т. е. проникает в лексику русского языка, приобретает семантические связи с исконной лексикой, находит конкретную область применения. Этому этапу, по мнению С. В. Гринева-Гриневица, доктора филологических наук, академика, создателя теории терминологии, соответствуют такие особенности, как варьирование написания и произношения заимствования и неопределенность значения [2, с. 158–159]. Когда эти особенности будут устранены, термин «фандрейзинг» войдет в этап адаптации.

По мере изучения феномена фандрейзинга возникали различные подходы к его пониманию, которые постепенно эволюционировали от простых к более смысловым и содержательным. Таким образом происходило расширение значения термина «фандрейзинг».

Первые отечественные публикации в области фандрейзинга в основном были выпущены общественными организациями. В них были предприняты попытки первой систематизации накопленных знаний о фандрейзинге, в том числе попытки дать определение фандрейзингу. Одно из наиболее подробных определений дано в пособии по фандрейзингу Ю. Аксеновой и др.: технология привлечения ресурсов, деятельность некоммерческой организации, базирующаяся на ее уникальной миссии, ис-

пользующая эффективные и продуктивные способы получения ею ресурсов, необходимых для реализации ее программ и достижения стоящих перед ней целей, обеспечивающая желаемую удовлетворенность дарителю и имеющая конечным результатом укрепление благополучия общества в целом [16, с. 24]. Авторы пособия впервые выделили проектный и маркетинговый подходы к фандрейзингу.

В научных исследованиях под фандрейзингом понимают оригинальную методику поиска ресурсов, деятельность по сбору средств, формированию различных финансовых, денежных фондов, в частности для благотворительных или образовательных целей [17], либо методику поисков источников финансирования, деятельность по привлечению и аккумуляции внешних источников финансирования [7, с. 4], в т. ч. для реализации проектов и программ в социальной сфере [15, с. 32].

Фандрейзинг признан одной из отраслей социального менеджмента [17] и менеджмента социальной работы как профессиональной деятельности по организации работы учреждений социальной сферы, ориентированных на решение социальных проблем и, в первую очередь, проблем малообеспеченных и слабо защищенных слоев населения. С этой точки зрения фандрейзинг служит целям вмешательства в негативные социальные процессы, их изменения или, по крайней мере, минимизации вреда от их существования [18, с. 153–154]. Также фандрейзинг понимается как технология социального партнерства секторов экономики, направленного на согласование общественного спроса и предложения в виде привлечения средств для реализации некоммерческих проектов. Д. э. н. проф. А. И. Дымникова называет фандрейзинг составной частью предпринимательской деятельности некоммерческих учреждений [3, с. 159]. А. Г. Иксанов называет его направлением стратегического планирования некоммерческой организации [19, с. 54].

Фандрейзинг рассматривается как искусство и как технология, как определенная методика и как процесс. Фандрейзинг — это отрасль социального менеджмента, направление социального маркетинга, инструмент социального проектирования, форма социального предпринимательства, технология социального партнерства и механизм межсекторного взаимодействия. В любом случае фандрейзинг напрямую связан с поиском доноров и ресурсов, их привлечением и открытым использованием на социально значимые цели.

Фандрейзинг возможен во многих сферах жизни общества — в науке и образовании, в медицине и здравоохранении, в культуре, спорте и т. д. Но наибольшее значение приобретает фандрейзинг в социальной сфере, где он предполагает поиск средств для оказания помощи самым уязвимым категориям граждан — детям, инвалидам, пожилым и пр. Фандрейзинг в социальной сфере является одной из важнейших технологий социальной работы, направленной на решение социальных проблем и поэтому столь необходимой обществу.

Итак, заимствованный в 90-х годах термин «fundraising» следует читать и произносить как «фандрейзинг». Под фандрейзингом можно понимать деятельность государственных, муниципальных, бюджетных учреждений и некоммерческих организаций по поиску, привлечению и использованию финансовых, материальных, информационных и человеческих ресурсов на социально значимые цели.

Библиографический список

1. Дегтярев, Д. А. Эндаумент-фонды в образовательном фандрайзинге: мировой опыт и Россия : доклад участников «круглого стола» «Целевые благотворительные фонды: мировой опыт и новое российское законодательство» 6 июня 2007 года, ИМЭМО РАН / Д. А. Дегтярев, А. В. Стельмах // Электронные материалы конференций и симпозиумов на сайте ИМЭМО РАН [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.imemo.ru/df/conf/2007/07002.pdf> (ата обращения : 25.04.2011).
2. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение : учеб. пособие для студ. вузов / С. В. Гринев-Гриневиц. — М. : Академия, 2008. — 304 с.
3. Дымникова, А. И. Фандрейтинг как особый вид предпринимательской деятельности в культуре / А. И. Дымникова // Экология культуры: Инф. бюллетень. — 2002. — № 3 (28). — С. 158–184.
4. Дымникова, А. И. Идеология и технология фандрейтинга в российских организациях культуры / А. И. Дымникова // Электронная интернет-библиотека театра и кино [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://biblioteka.teatr-obraz.ru/node/6555> (дата обращения: 18.04.2011).
5. Алексинская, М. Голая сцена. К чему ведёт «перезагрузка» Большого театра / Завтра. — 23.02.2011. — № 08 (901) / М. Алексинская // Электронная версия газеты «Завтра» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/11/901/81.html> (дата обращения: 18.04.2011).
6. Иксанов, А. Г. Жизнь Большого театра больше, чем его юбилей / Культура. — 12-18.04.2001. — №14 (7271) / А. Г. Иксанов // Культура-Портал : электронная газета Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.kultura-portal.ru/tree_new/cult/paper/article.jsp?number=202&rubric_id=207 (дата обращения: 18.04.2011).
7. Дятликов, К. Ю. Фандрейтинг как инструмент совершенствования финансирования государственных организаций культуры : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / К. Ю. Дятликов. — М., 2004. — 185 с.
8. Мжельская, О. К. Заимствования как результат взаимодействия языков и некоторые направления их изучения / О. К. Мжельская // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». — 2007. — № 5(59). — С. 115–117.
9. Откупщиков, Ю. В. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии / Ю. В. Откупщиков. — СПб : Авалон, 2005. — 352 с.
10. Кузьмина, Н. А. Трансплантация как способ заимствования новейших англо-американизмов (по материалам современ-

ной молодежной прессы) / Н. А. Кузьмина, О. С. Макарова // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». — 2008. — № 5 (72). — С. 130–134.

11. Дьяков, А. И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке / А. И. Дьяков // Язык и культура. — Новосибирск, 2003. — С. 35–43.
12. Крысин, Л. П. Иноязычные слова в современной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. — М. : Языки русской культуры, 2000. — 477 с.
13. Бушев, А. Б. Макаронический язык в современном российском социуме / А. Б. Бушев // Язык и культура. — 2009. — № 4(8). — С.11–14.
14. Финансовый менеджмент : новый англ.-рус. толковый слов / под ред. Ю. Н. Маляревой, М. А. Сторчевого. — СПб. : Экон. шк., 2004. — 485 с.
15. Учебно-методический комплекс модуля «Технологии современного фандрейтинга в социальной сфере» / Н. А. Пашкус [и др.] ; под редакцией к.ф.-м.н., доц. Н. А. Пашкус. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. — 181 с.
16. Аксенова, Ю. Фандрайтинг для развития (привлечение ресурсов из местных источников) : пособие для тренеров / Ю. Аксенова, А. Вербицкий, П. Гамольский. — М. : Сопричастность, 1998. — 107 с.
17. Жуков, Г. В. Благотворительность как инструмент фандрейтинга в социокультурном пространстве современного общества : автореф. дис. ... канд. культурол. : 24.00.01 / Г. В. Жуков. — Краснодар, 2002. — 19 с. / Российская библиотека диссертаций. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dissertation.ru/avtoreferats6/kub7.htm> (дата обращения: 30.04.2011).
18. Шипунова, Т. В. Эволюция и проблемы менеджмента социальной работы / Т. В. Шипунова // Управленческое консультирование. — 2009. — № 2. — С. 153–170.
19. Иксанов, А. Г. Создание системы управления фандрейтингом / А. Г. Иксанов // Справочник руководителя учреждения культуры. — 2006. — № 2. — С. 45–54.

КАРПУНИНА Анастасия Владимировна, старший преподаватель кафедры социологии, социальной работы и политологии.

Адрес для переписки. e-mail: socio_omgtu@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.02.2011 г.

© А. В. Карпунина

Книжная полка

Теория литературных жанров : учебное пособие для вузов / Д. М. Магомедова [и др.]. — М. : Academia, 2011. — 256 с. — ISBN 978-5-7695-6936-4. Другие авторы: Тмарченко Н. Д., Тюпа В. И., Дарвин М. Н.

Учебное пособие создано в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 032700 — Филология (квалификация «бакалавр»). Учебное пособие содержит развернутое изложение общих проблем теории жанров (первая часть), а также систематическую характеристику важнейших эпических, лирических и драматических жанров (следующие три части). Особое внимание уделяется историческому переходу от жанров канонических к неканоническим жанровым структурам и в этой связи — понятиям «жанровый канон» и «внутренняя мера жанра». Ряд жанров — таких, как повесть, неканоническая поэма, рассказ, стихотворение в прозе, рассказ в стихах — рассматриваются либо с совершенно новой точки зрения, либо впервые. Для студентов учреждений высшего профессионального образования. Может быть полезно филологам-литературоведам, а также всем, кто интересуется данной темой.